

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

Концепт «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре

основная образовательная программа магистратуры по направлению
подготовки 45.04.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
образовательной программы
«Русский язык и русская культура
в аспекте русского языка как иностранного»
очной формы обучения
Садуллаева Нигора Руслановна

Научный руководитель:

к.ф.н., доц., доц. Хорохордина О. В.

Рецензент:

к.ф.н., ст. преп. Мишель М. А.

Санкт-Петербург

2018

Оглавление

Введение	4
Глава I. Теоретические аспекты изучения концепта в лингвистике	12
I. 1. Понятие языковой картины мира	12
I. 2. Концепт как объект исследования в лингвистике	14
I. 2. 1. Трактовки термина «концепт». Подходы к изучению концепта	14
I. 2. 2. Соотношение терминов значение, понятие, образ и концепт	16
I. 2. 3. Структура и содержание концептов и их вербализация. Типология концептов	18
I. 2. 4. Художественный концепт как единица исследования	21
I. 2. 4. 1. Художественная картина мира, понятие концептосферы	22
I. 2. 4. 2. Художественный концепт и художественный образ	23
I. 3. Текст как пространство функционирования и формирования концепта	24
I. 3. 1. Подходы к исследованию текста в лингвистике	25
I. 3. 2. Художественный текст в лингвистических исследованиях и его концептуальный анализ	29
I. 4. Методика анализа концепта «новая жизнь»	33
Выводы	36
Глава II. Анализ концепта «новая жизнь»	38
II. 1. Концепт «новая жизнь» по данным словарей современного русского языка	38
II. 2. Концепт «новая жизнь» в интернет-коммуникации	42
II. 3. Индивидуально-авторская речь как сфера функционирования концепта «новая жизнь»	53
II. 3. 1. Художественное творчество А. П. Чехова как источник формирования концепта «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре	53
II. 3. 1. 1. Особенности содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в рассказе А. П. Чехова «В родном углу»	54

II. 3. 1. 2. Особенности содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в рассказе А. П. Чехова «Новая дача»	58
II. 3. 1. 3. Особенности содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в рассказе А. П. Чехова «Невеста»	61
II. 3. 1. 4. Особенности содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в драме А. П. Чехова «Три сестры»	65
II. 3. 1. 5. Особенности содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в комедии А. П. Чехова «Вишневый сад»	68
II. 3. 1. 6. Особенности содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в творчестве А. П. Чехова	70
II. 3. 2. Сопоставление особенностей содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре и в творчестве А. П. Чехова	73
II. 4. Особенности содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в художественной речи сегодняшнего дня (на примере рассказа А. И. Слаповского «Новая жизнь»).	75
II. 5. Сопоставление особенностей содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре и в рассказе А. И. Слаповского «Новая жизнь»	81
Выводы	84
Заключение	90
Список литературы	93

Введение

На данном этапе развития лингвистика тесно связана с антропологией, и внимание современных лингвистов привлекает к себе человек, владеющий языком, на первый план выдвигается изучение языка с учетом языковой личности его носителя. Особое место отводится проблеме соотношения языка и сознания, в современной лингвистике она решается в рамках когнитивного направления, где, в частности, выявляются закономерности образования концептов, которые функционируют в пространстве языка. Из контекста философии понятие «концепт» переходит в область лингвистики: человек, изучая язык, осваивает и картину мира. Залог успешной коммуникации – общие знания и представления адресанта и адресата. Исследователями сегодня активно решается задача описания концептов как элементов лингвокультуры, в том числе и русской лингвокультуры [Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. В. Колесов, А. Вежбицкая и др.].

При этом принимается во внимание, что концепт – феномен динамический: как только меняется среда, в которой функционирует язык, меняется и язык, что отражается на особенностях содержания и средствах вербализации концептов. Пространством функционирования языка выступает текст. Изучением текста занимается и когнитивная лингвистика. В её задачи входит анализ способов кодирования, хранения и передачи знаний языком. Важно, как формируется картина мира определенного этноса, как человек воспринимает и концептуализирует окружающий мир и какие факторы на это влияют. Текст в данном случае рассматривается как звено речемыслительного процесса. Каждой эпохе присущи речевые особенности, они меняются так же быстро, как и окружающая действительность. Поэтому исследователи не теряют интерес к взаимосвязи изменений в окружающем человека мире, в его сознании и в языке, следовательно, концепт рассматривается как в синхронном, так и в диахронном аспектах.

Другой важный вопрос изучения концептов – их типология. Наиболее значимым здесь представляется противопоставление общей для данной

лингвокультуры и индивидуально-авторской версий концептов, последняя из которых наиболее ярко проявляется в художественной речи. Понятие «художественный концепт» активно разрабатывается в исследованиях последнего времени [О. В. Афанасьевой, Л. В. Миллер и др.]. Исследование художественного концепта возможно только при анализе художественного текста как единой системы в рамках национальной языковой картины мира, что обнаруживает взаимосвязь и взаимовлияние общенационального и художественного концептов. Исследователи отмечают, что доминантные концепты русских художественных произведений, оставляющих заметный след в литературе, вбирает в своё ядро когнитивная база представителей русской лингвокультуры – «структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, все говорящие на том или ином языке» [Красных, 1998: 45].

В данном исследовании мы обращаемся к анализу содержания и способов языкового выражения концепта «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре.

Актуальность работы определяется тем, что концепт «новая жизнь», являясь одним из ключевых для русской лингвокультуры, входя в ядро когнитивной базы носителей русской лингвокультуры, не был изучен ни в общенациональном, ни в индивидуально-авторском аспектах.

Новизну исследования обуславливает подход, предполагающий выявление особенностей смысловой структуры, компонентов её содержания и их вербализации концепта в его общенациональном варианте не только по данным словарей и на основе анализа современных текстов повседневного общения, но и в сопоставлении с его конкретными реализациями в индивидуально-авторской художественной речи значимых для русской лингвокультуры писателей рубежа XIX-XX-го и XXI-го веков, позволяя отчасти проследить и динамический аспект концепта «новая жизнь».

Гипотеза исследования заключается в том, что особенности смысловой структуры концепта «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре, содержание его смысловых компонентов и их вербализация могут быть эффективно выявлены по данным современных русских словарей с последующей актуализацией результатов такого анализа на материале интернет-текстов о новой жизни, а также на фоне анализа специфики реализации данного концепта, с одной стороны, в произведениях А. П. Чехова, сфокусированных на теме «новой жизни» и оказавших существенное влияние на формирование русского общенационального концепта «новая жизнь», и, с другой стороны, в творчестве А. И. Слаповского, где современный русский концепт «новая жизнь» получает одновременно актуализацию и индивидуально-авторское развитие в диалоге с чеховской художественной традицией.

Материалом исследования послужили словарные статьи словарей современного русского языка и тексты интернет-коммуникации о новой жизни, а также произведения А. П. Чехова («В родном углу», «Невеста», «Новая дача», «Три сестры», «Вишневый сад»), рассказ А. И. Слаповского «Новая жизнь».

Объектом настоящего исследования является концепт «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре.

Предметом исследования выступают особенности смысловой структуры концепта «новая жизнь», содержания её компонентов и их вербализации в современной русской лингвокультуре на фоне особенностей экспликации исследуемого концепта в одноименном рассказе А. И. Слаповского и произведениях А. П. Чехова. Выбор художественных произведений определён, с одной стороны, безусловной значимостью творчества А. П. Чехова для ядра когнитивной базы русской лингвокультуры, сфокусированностью многих его произведений на концепте «новая жизнь», а с другой стороны, художественным осмыслением концепта «новая жизнь» в диалоге с чеховской традицией в творчестве А. И. Слаповского, являющегося заметным участником современного русского литературного процесса (этот

писатель неоднократно был финалистом самых престижных литературных премий России, его произведения переведены на десяток европейских языков, его пьесы ставятся в ведущих театрах России, его творчество получает научное осмысление (см., например, Курылёва, 2002; Дикун, 2013)).

Итак, в данном исследовании мы ставим перед собой **цель** – описать концепт «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре, выявив его смысловую структуру, содержательное наполнение её компонентов и способов их вербализации на фоне особенностей его реализации в индивидуально-авторской художественной речи А. П. Чехова и А. И. Слаповского.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- определить терминологическую базу исследования на основе анализа работ по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, теории текста, анализу художественного текста;
- представить основные вопросы исследования концепта; выявить специфику изучения художественных концептов;
- рассмотреть основы выделения вербального экспонента концепта;
- выработать методику концептуального анализа для данного исследования;
- выделить по данным словарей современного русского языка и результатам контекстного анализа употребления данного словосочетания в современной русской речи;
- сделать выборку произведений А. П. Чехова, в которых реализуется концепт «новая жизнь», провести их комплексный анализ для выявления особенностей реализации в них концепта «новая жизнь»;
- выявить структурно-смысловые и вербальные особенности актуализации концепта «новая жизнь» в рассказе А. И. Слаповского «Новая жизнь»;
- провести контрастивный анализ особенностей смысловой структуры, содержания её компонентов и их вербализации общенационального концепта

«новая жизнь» на фоне его реализаций в произведениях А. П. Чехова и А. И. Славовского.

На защиту выносятся следующие положения:

– описание концепта «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре, его структурных особенностей, смысловых компонентов и их вербализации выявляется при наблюдении за употреблением данного словосочетания в современных русских словарях, в современной русской речи, и может быть уточнено при сопоставлении с его реализациями в индивидуально-авторской художественной речи значимых для русской лингвокультуры писателей;

– концепт «новая жизнь» представляет собой сложное лингвоментальное образование, обладающее собственной структурой, которая включает в себя понятийный, образный и ценностный компоненты;

– центр понятийного компонента концепта «новая жизнь» составляет сценарная зона концепта, состоящая из таких этапов, как «негативная оценка прежней жизни», «желание новой жизни», «процесс перехода», «проживание новой жизни»; каждый из этапов получает вербализацию при помощи групп глаголов, которые называют каждый этап вхождения в новую жизнь: *хотеть, обдумывать, заставит, решила*; а также существительных *намерение, предвкушение, план, решение, отказ, попытка, проба* и др., и маркированных лексем, описывающих негативное отношение к прежней жизни: *глупый, кричала, дурак* и др.; сценарный компонент «желание новой жизни» вербализован не только упомянутыми лексемами, но и сослагательным наклонением со значением желательности, детальным описанием новой жизни и дискурсивными лексемами *раньше – теперь* (оппозиция раньше – завтра не реализуется в форме новой жизни). В центр понятийного компонента входит также фигура активного субъекта, готового реализовать переход в новую жизнь, что передается в речи лексемами, называющими субъекта (личные местоимения или имена собственные), а также формой действительного залога глаголов, обозначающих активное действие субъектов: *начал, увлекся, решил* и др.;

– центром образного компонента концепта «новая жизнь» выступает представление жизни как спирали, а новой жизни – как одного из витков этой спирали;

– совокупность атрибутов новой жизни помогает реконструировать её проявления, что выражают в речи следующие тематические группы слов: здоровый образ жизни (*гимнастика, физическая активность, спорт, полезные привычки, новые привычки*), материальные блага (*достаток, богатство, новые туфли, белье, духи, сумочка, новая манера одеваться, новый дом, новая косметика, лучшая комната, «все ковры, какие были в доме», много цветов, широкая, очень мягкая постель, шелковое одеяло*), абстрактные атрибуты (*улыбка, засмеялась от удовольствия, новые планы, новые силы, работа, свобода*), события (*спектакли, концерты, карты*); новое место жизни (*переезд, заграница, другая страна, другой город, новое место*). Перевод временного концепта «новая жизнь» в категорию пространства позволяет более отчетливо представить атрибуты новой жизни;

– ценностный компонент концепта «новая жизнь» амбивалентен по своей природе: с одной стороны, в отношении к новой жизни всегда соседствуют *надежда* на её осуществление и *страх* перед новым; с другой стороны, оценка новой жизни и старой жизни зависят от обстоятельств процесса перехода из старой жизни в новую: если перемены в жизни субъекта зависят от него, то новая жизнь оценивается, в отличие от старой, строго положительно, это выражается эпитетами с положительной коннотацией: новая жизнь трактуется как *светлая, радостная, безоблачная и свободная; ею можно наслаждаться*; эмоциональная оценка субъекта в условиях новой жизни включает в себя лексемы *веселая, здоровая, радостная, добрая и др.*; если же новая жизнь наступает в силу неблагоприятных обстоятельств или же против воли субъекта, она характеризуется такими прилагательными, как *печальная и грустная*, и может встречать активное противодействие со стороны субъекта;

– анализ материала позволяет заключить, что для русского человека характерно восприятие новой жизни как культурного скрипта,

подразумевающего соблюдение определённых канонов; их несоблюдение вызывает негативную оценку действий субъекта, начинающего новую жизнь, или же формирует представление о несерьёзном отношении субъекта к факту жизни вообще.

Методы исследования, использованные в диссертационной работе, определены спецификой изучаемого объекта и поставленными целью и задачами. Они включают метод *концептуального* анализа, метод *контекстного* анализа с использованием методик *текстового ассоциативного* анализа, *нарратологического* анализа, метод *интертекстуального* анализа, а также метод *контрастивного* анализа; при представлении результатов исследования использован преимущественно *описательный* метод.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что она входит в круг работ по концептуальному анализу в рамках когнитивного подхода и тем самым осуществляет дальнейшее совершенствование связанных с ним методик анализа, способствует разработке такого вопроса, как взаимосвязь реализаций общенационального концепта и индивидуально-авторских художественных концептов.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования материалов и результатов в разработке лекционных курсов и семинарских занятий, спецкурсов и спецсеминаров по теории языка, теории перевода, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, лингвистическому анализу художественного текста, а также при практическом изучении русского языка как иностранного на занятиях по аналитическому чтению.

Структура выпускной квалификационной работы определяется последовательностью решения поставленных задач. Исследование состоит из введения, двух глав, выводов к ним, заключения и списка использованной литературы, содержащего 107 наименований. Общий объем диссертационного исследования – 101 страница.

Во введении определяются объект, предмет, материал, цели, задачи, методы исследования, его научная новизна, актуальность, формулируется

гипотеза исследования, представляются положения, выносимые на защиту, отмечается теоретическая и практическая значимость исследования.

В первой главе определяется терминологическая база исследования и основные теоретические положения работы.

Во второй главе анализируются особенности представления концепта «новая жизнь» как совокупности его смысловой структуры, содержания ее компонентов и их вербализации в современной русской лингвокультуре по данным современных русских словарей и текстов интернет-коммуникации на фоне его индивидуально-авторских реализаций в художественной речи значимых для русской лингвокультуры писателей.

В заключении подводятся итоги исследования.

Глава I. Теоретические аспекты изучения концепта в лингвистике

I. 1. Понятие языковой картины мира

«Картина мира» – фундаментальное понятие, которое отражает специфику взаимодействия человека и окружающей его действительности. Из области физики термин перешел в область логики и философии, а со временем плотно вошел в лингвистику. Традиционно выделяют концептуальную и языковую картины мира.

Существует множество дефиниций понятия «языковая картина мира». Так, например, языковой картиной мира называют «отражение способа моделирования и структурирования действительности, характерного для конкретной лингвокультурной общности» [Моисеева, 1998]. Справедливым считаем определение Е. С. Яковлевой, согласно которому, языковая картина мира – «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» [Яковлева, 1994: 5]. Значит, «языковая картина мира – это своего рода мировидение через призму языка» [Там же]. Исследователь отмечает, что языковая картина мира непрерывно меняется: «какие-то фрагменты выявляются с течением времени, а другие затемняются» [Яковлева, 1994: 48]. Языковую картину мира изучают в различных аспектах лингвистики – выявляют её общие черты в различных языковых группах, временных срезах (эпохах), а также описывают отдельные фрагменты русской языковой картины мира.

Долгое время язык и культура рассматривались автономно, однако сейчас активно изучается их взаимодействие: «Культурологи и лингвисты до самого последнего времени обнаруживали мало точек соприкосновения в своих науках. Культурологи видели в культуре феномен, достаточно независимый от языка, а лингвисты считали, что, изучая язык, можно игнорировать его культурологическую сторону как малосущественную. Лишь с развитием антропологии <...> появилась возможность сблизить данные науки, поскольку человек и есть важнейшее связующее звено между языком и культурой» [Мурзин, 1991: 160]. Трансляция культуры происходит через

тексты, и культурная информация в них делится на два раздела: описываемые языком культурные феномены, «культура, описываемая языком» (см. подробнее: Костомаров и Верещагин, 1990; В. В. Воробьев, 1997 и др.), и особенности мировоззрения и восприятия мира. По словам А. Тарковского, «знает это художник или не знает, хочет он этого или нет, но если он художник подлинный, время – «обобщенное время», эпоха наложит свою печать на его книги, не отпустит его гулять по свету в одиночку, как и он не отпустит эпоху, накрепко припечатает в своих тетрадах» [Тарковский, 1997: 87]. Именно исследование национального своеобразия культуры и мировосприятия в тексте и выходит на первый план в лингвистических исследованиях последних лет.

Любой язык погружен в «некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать» [Лотман, 1999: 165], поэтому исследование национального своеобразия культуры невозможно без выявления ключевых концептов культуры («единиц ментальности» [Колесов, 1999], «констант» [Степанов, 2004]) и исследований концептосферы языка: «Концептосфера языка – это в сущности концептосфера русской культуры» [Лихачев, 1997: 284]. Тексты – источник знаний о человеке, его сознании, его культуре, и именно они – источник реконструкции фрагментов языковой картины мира.

Выделяя в тексте ключевые понятия, концепты, мы можем получить данные для исследования культуры и ментальности определенного этноса. Так как смена социокультурной ситуации ведет к переосмыслению модели человека и его ценностей, литература – «инструмент утверждения власти нового психотипа и механизм подключения к дополнительным источникам энергии, необходимых для психоисторических изменений» [Берг, 2000: 30].

I. 2. Концепт как объект исследования в лингвистике

I. 2. 1. Трактовки термина «концепт». Подходы к изучению концепта

Термин «концепт» используется во многих гуманитарных науках – в психологии, культурологии, философии, лингвистике и литературоведении. Одним из первых современных лингвистов, обратившихся к исследованию концептов, был С. А. Аскольдов. В его работе 1928-го года «Концепт и слово» концепт выступает как некое общее понятие, содержание акта сознания. Автор выделяет концепты познавательные и художественные, а главной их функцией называет функцию замещения, так как концепт, являясь мыслительным образованием, замещает в процессе мысли множество предметов одного и того же порядка [Аскольдов, 1997].

После этой работы термин не употреблялся в русском языкознании много лет, однако в современной лингвистике изучению концепта уделяется большое внимание – исследованиями концепта занимались А. А. Залевская, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, И. А. Тарасова и др.

В современной лингвистике существует целый ряд определений концепта: лингвисты определяют его как «квант образования, глобальную единицу мышления» [Попова, 2000: 4] или как «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов, 2004, 43]. Однако все исследователи сходятся в том, что концепт принадлежит области сознания и включает в себя не только систему логических терминов, но и чувственную, эмоциональную составляющую – «концепты не только мыслятся, но и переживаются» [Там же].

Сознание человека формирует концепты в результате постижения мира в итоге социализации. Концепты складываются из непосредственного восприятия окружающего мира органами чувств, человеческой деятельности, взаимодействия с уже заложенными в его сознание концептами, из языкового знания (концепт можно выразить языком) и путем осознанного освоения языковых единиц [Попова, Стернин, 2010]. Таким образом, концепт

осознается как проявление индивидуального и общего в актуализации наших знаний об окружающих нас явлениях как материального, так и абстрактного мира.

Вслед за М. В. Пименовой, мы определяем концепт как «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Полное описание того или иного концепта, значимого для определенной культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его выражения» [Пименова, 2004: 10].

На сегодняшний день выделяют два основных обоснованных подхода в изучении концептов: лингвокогнитивный (З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. С. Кубрякова и др.) и лингвокультурологический (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Ю. С. Степанов и др.). По словам В. И. Карасика, «эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурологический концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик, 2002: 97].

Лингвокультурологический подход к изучению концептов относит к их числу образования, которые отражают менталитет языковой личности изучаемой этнокультуры. Поэтому «концепт» в рамках этого направления рассматривается как базовая единица культуры, результат культурных знаний человека. Так, Ю. С. Степанов понимает культуру как «совокупность концептов и отношений между ними» [Степанов, 2004: 40]. Концепт для него – «пучок» знаний, понятий, представлений и образов, которыми сопровождается слово [Там же].

При лингвокогнитивном подходе исследуются лексемы, значения которых составляют основное содержание национального языкового сознания и формируют картину мира носителей языка. Концепты в таком случае – любые языковые единицы, в значении которых выявляется способ (форма) семантического представления [Воркачев, 2001: 68]. В «Кратком словаре когнитивных терминов» концепт представлен как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике...» [Кубрякова, Демьянков, 1996: 90]. Концепт вбирает в себя все то, что носитель знает, осознает, думает об объектах мира. Понятие «концепт» отражает содержание опыта и знаний, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира. Так, концепт определяется как нечто, что обобщает познавательную деятельность субъекта.

Перечисленные подходы к пониманию природы концепта не взаимоисключающие – как уже было сказано, они различаются векторами изучения.

1. 2. 2. Соотношение терминов значение, понятие, образ и концепт

Проблема соотношения терминов «значение», «понятие» и «концепт» – одна из самых дискуссионных в современном языкознании. По мнению В. В. Колесова, концепт – синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде – своего рода «гипероним» последних [Колесов, 2002: 122]. Мысль В. В. Колесова развил С. Г. Воркачев, указав на тот факт, что концепт, «принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в

лексическую систему языка», является наследником перечисленных категорий [Воркачев, 2007: 5].

«Образ» и «концепт» – первая иерархически связанная пара терминов. Первичное воплощение концепта реализуется в образе. В. В. Колесов определяет этапы существования концепта, и на первом уровне развития концепт вербализуется в «психологически представленном образе», который имеет денотативное значение и десигнат, но не обладает референтом. Далее образ оформляется как понятие, приращивает референт. Концепт фиксируется в лексических единицах и получает должное толкование в словарях [Колесов, 2002: 123-125].

Следующее соотношение терминов «концепт» и «понятие» – одно из самых дискуссионных в этом терминологическом треугольнике. «Понятие» и «концепт» – исторические дублиеты, но в научном употреблении эти термины расходятся: термин «концепт» сначала использовался в русском языке при переводе философских сочинений структуралистов и логиков-математиков; но чаще употребление этого термина до середины 70-х являлось «цитацией» термина средневековой философии или полным синонимом слову «понятие». В 70-е годы термин среди лингвистов чаще всего употребляется в значении «чистое понятие», и уже к середине 80-х годов термины «концепт» и «понятие» употребляются дифференцированно. Предполагается, что концепт не требует договоренности, в то время как «понятие» – это то, что устанавливают сами люди. В. З. Демьянков так описывает этот процесс: «*понятия* – то, о чем люди договариваются, их люди **конструируют** для того, чтобы “иметь общий язык” при обсуждении проблем; *концепты* же существуют сами по себе, их люди **реконструируют** с той или иной степенью уверенности. Иногда референты у терминов *концепт* и *понятие* совпадают» [Демьянков, 2001: 45]. Важная отличительная черта концепта – потенциальная субъективность, так как, в отличие от понятия, в состав концепта входят, помимо понятийного, ценностный и образный компоненты. По мнению Н. А. Красавского, концепт шире понятия, и если понятие – это мысль об определенном предмете или явлении, то «концепт – это идея,

включающая не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки» [Карасик, Красавский, 2009: 5].

Сложным считается определение соотношения таких терминов, как «значение» и «концепт». По мнению И. А. Стернина, нужно выявить сходства и различия этих терминов [Попова, Стернин, 2006: 64]. Оба явления – когнитивной сущности, они в равной мере являются результатами отражения действительности сознанием индивида. Но значение и концепт – результат деятельности разных видов сознания. «Концепт – продукт когнитивного сознания человека, значение – продукт языкового сознания» [Там же]. Значение рассматривается как составляющая концепта, которая систематически используется и представляет собой коммуникативную часть концепта: «компоненты лексического значения выражают значимые концептуальные признаки, но не в полном объеме. Концепт объемнее лексического значения слова <...> Структура концепта гораздо сложнее и многограннее, чем лексическое значение слова» [Пименова, 2004: 7]. Д. С. Лихачев, определяя сущность концепта, отмечает, что концепт существует не для отдельно взятого слова, а для каждого (словарного) значения слова отдельно [Лихачев, 1997: 147].

1. 2. 3. Структура и содержание концептов и их вербализация.

Типология концептов

Неоднородная и абстрактная природа концепта обеспечивает существование нескольких разных взглядов исследователей на структуру концепта.

Согласно Ю. С. Степанову [Степанов, 2004: 47], концепт «слоистый» по своей природе – исследователь вычленяет в концепте основной (актуальный), дополнительный (пассивный, исторический) признаки, а также внутреннюю форму (этимология; она не осознается, но существует как основа, на которой держатся остальные слои).

С. Г. Воркачев выделяет образную (когнитивные метафоры), понятийную (дефиниция и признаки) и значимостную (этимологически, ассоциативные характеристики концепта) составляющие концепта [Воркачев, 2004: 7].

Г. Г. Слышкин вычленяет четыре зоны концепта – основные (интра- и экстразоны) и дополнительные (квази- и квазиэкстразону). Интразона – признаки концепта, отражающие собственные признаки денотата; экстразона – признаки концепта, которые можно извлечь из паремий и переносных значений слова; квазиинтразона и квазиэкстразона – формальные ассоциации в результате созвучия имени концепта с другим словом (эвфемизмы, иносказания и др) [Слышкин, 2004: 65-66].

З. Д. Попова, И. А. Стернин выделяют в структуре концепта базовый слой (ядро концепта, чувственный образ), информационное содержание (включает минимум когнитивных признаков, определяющих наиболее важные отличительные черты предмета/явления) и интерпретационное поле концепта (оценочная зона, социально-культурная зона и др.) [Попова, Стернин, 2007: 74].

Мы, вслед за В. И. Карасиком, выделяем в структуре концепта образно-перцептивный компонент, информационно-актуальный и ценностную составляющую [Карасик, 2002: 107]:

Образная сторона концепта – «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами» [Карасик 2005: 27], это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания [Карасик, 2002: 107].

Понятийный элемент концепта представляет собой «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания» [Карасик 1999: 39]. Он формируется фактуальной информацией о реальном или воображаемом объекте, служащим основой для образования концепта. Это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая

структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к другим концептам [Карасик, 2002: 107].

Ценностная составляющая концепта – определяющая для того, чтобы концепт можно было выделить, наиболее фундаментальная характеристика культуры, высший ориентир поведения. В этом сложном образовании выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [Карасик, 2002: 108].

В ней противопоставляются ценности индивидуальные (персональные, индивидуально-авторские), микро- (семейные, дружеские и др.) и макро- групповые (социальные, ролевые, статусные и др.), общечеловеческие и сугубо этнические [Карасик, 2002: 116].

Существует также несколько типологий концепта, так как со временем исследователи пришли к выводу, что концепт объединяет разные виды ментальных явлений, это разнородные по своему содержанию и организации единицы мышления, их функция – структурировать знания в сознании человека. Типы знаний, представленные в концептах, различаются. Так, Н. Н. Болдырев выделяет конкретно-чувственные образы, представления, схемы, понятия, прототипы, пропозиции, фреймы, сценарии или скрипты, гештальты [Болдырев, 2001: 36-38]. А. П. Бабушкин – мыслительные картинки, схемы, гиперонимы, фреймы, инвайты, сценарии и калейдоскопические концепты [Бабушкин, 1996: 43-67]. С. Г. Воркачев выделяет концепты высшего уровня и обычные концепты [Воркачев, 2004: 44]. М. В. Пименова выделяет образы, идеи и символы, а также концепты культуры (универсальные категории культуры, социально-культурные категории, категории национальной культуры, этические и мифологические категории) [Пименова, 2004: 8].

В нашей работе мы принимаем типологию З. Д. Поповой и И. А. Стернина, которые выделяют концепты в зависимости от типа знания, отражения действительности, которое они закрепляют. И в зависимости от характера содержания они выделяют такие концепты, как представления,

схемы, понятия, фреймы, сценарии (скрипты), гештальты [Попова, Стернин 2007].

Для нашего исследования важно определение сценария, так как концепт «новая жизнь» относится к этому типу концепта: так, сценарий – стереотипные эпизоды, разворачивающиеся во времени и пространстве. Их отличительная особенность – они динамичны: в отличие от фрейма, сценарий отражает денотативную ситуацию в движении во времени и пространстве – «это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития» [Попова, Стернин, 2007: 83].

1. 2. 4. Художественный концепт как единица исследования

Первое упоминание художественного концепта как отдельной категории – работа С. А. Аскольдова «Концепт и слово», 1928-й год. Уже тогда отмечается расплывчатость и сложность художественного концепта, так как художественный концепт, в отличие от познавательного, – «сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых представлений» [Аскольдов, 1997: 274]. Структура художественного концепта определяется «не логикой и прагматикой», это комплекс понятий, представлений, чувств и эмоций. По мнению И. А. Тарасовой, основа художественного концепта – диалогическая структура отношений человека, культуры и природы, так как автор опирается не только на собственные переживания и жизненный опыт, но и на общественное мнение, культурные традиции и т.д. [Тарасова, 2004]. Большое внимание уделяется изучению индивидуально-авторской картины мира в художественных произведениях. Художественный концепт для Л. В. Миллер – «универсальный художественный опыт в культурной памяти», «строительный материал» при формулировании новых художественных смыслов» [Миллер 2003: 42].

Совокупность художественных концептов произведения образует его концептосферу.

I. 2. 4. 1. Художественная картина мира, понятие концептосферы

Художественный концепт неразрывно связан с понятием художественная картина мира. Художественный концепт следует рассматривать как отражение фрагмента художественной картина мира автора. Термин художественная картина мира был введен в научный оборот Б. С. Мейлахом [Мейлах, 1985]. В рамках когнитивного направления художественная картина мира в свое время исследовалась С. А. Аскольдовым, В. В. Колесовым, Ю. С. Степановым и др.

Одно из главных достижений изучения художественных концептов в рамках исследования лингвистов – создание типологии художественных концептов. Л. В. Миллер выделяет четыре вида художественных концептов по разной семантической плотности и смысловым доминантам:

- концепты непосредственно личного отношения, «предрациональные»; «духовные» концепты и концепты «чувств» (*Вера, Надежда, Любовь*);

- концепты, воспринимаемые сугубо через общество, т.н. «рамочные» концепты – они регулируют поведение под норму [Степанов, 2004: 68]. Их очень просто описать в силу четкой структуры, т.к. их содержание определяется историческими факторами и развитием культуры. Например, концепты, «информация которых определяется системой регламентаций социума» [Миллер, 2003: 62] (*Дом, Отечество и Родина*);

- концепты-аксиологемы, эмоционально-оценочные образования. Аксеологема – «психоэмоциональная единица восприятия, определяющая предсказуемость ассоциаций, коннотаций и оценки как таковой» [Миллер, 2003: 62], составляющая «эмоциональной памяти», реализуется в художественном высказывании в обязательном порядке, оценочное клише. У С. А. Аскольдова это – художественно-эмотивный концепт, его ценность актуализируется не в развертывании смысла, а в стимулировании чувств и настроений [Аскольдов, 1997: 276];

– стандартизированные этнокультурно-обусловленные интерпретации, концептуализировавшие смысловые комплексы, «номинации которых широко представлены в искусствоведческом и литературно-критическом дискурсе» (*Лишний человек и Новый человек*) [Миллер, 2003: 61-64].

Совокупность художественных концептов образует его концептосферу. Структура универсальной концептосферы многослойна. По мнению Д. С. Лихачева, в рамках культуры можно говорить о существовании различных по объему концептосфер, которые сочетаются друг с другом таким образом, что «каждая из последующих концептосфер сужает универсальную, но и расширяет её» [Лихачев, 1997: 147-148]. Таким образом, универсальная концептосфера (с общей художественной картиной мира) – система «вложенных» друг в друга блоков. По словам Л. В. Миллер, художественная картина мира «осуществляется в бесконечном количестве репродукций, выступая каждый раз по-иному и в новых комбинациях» [Миллер, 2003: 68]. Так, например, она включает в себя художественные картины разных этапов развития художественной культуры, художественные картины мира в рамках направлений в искусстве, индивидуально-авторские художественные картины мира.

1. 2. 4. 2. Художественный концепт и художественный образ

Междисциплинарность такого явления, как концепт, подразумевает многовариантность трактовок и методик его исследования. Проблеме сопоставления терминов художественный образ и художественный концепт посвящен ряд литературоведческих работ, и их соотношение развивается в трех разных направлениях:

1) понятия «художественный концепт» и «художественный образ» сближаются, акцентируется внимание на соединении в концепте индивидуального и общего представлений: «такое понимание концепта сближает его с художественным образом, заключающим в себе обобщающие и конкретно-чувственные моменты» [Зусман, 2003]; «литературный концепт

– образ, символ или мотив, который имеет «выход» на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [Зусман, 2001: 14], и именно их включенность в ассоциативную сеть культуры делает литературный образ концептом. Из этого следует, что и художественный концепт, и художественный образ – явления одного порядка;

2) художественный концепт и образ сопоставляются: «художественный концепт – это не образ, но он тяготеет к потенциальным образам. Именно потенциальность становится основной ценностью художественных концептов и определяет отношения между словообразом и художественным концептом» [Туктангулова, 2007: 44];

3) художественный образ – один из вариантов реализации художественного концепта: в содержании художественного концепта реализуются «не только образные представления, но и зафиксированные моменты специального знания, связанного с литературно-критическим, литературоведческим аспектом осмысления текстов» [Лошаков, 2007: 159]. При таком понимании терминов концепт выступает в роли гиперонима, он вбирает в себя образ – образная составляющая оказывается одной из составляющих концепта, трехкомпонентного по своей природе.

I. 3. Текст как пространство функционирования и формирования концепта

На сегодняшний день идея «первичности» текста и признание его исходным материалом лингвистического анализа не вызывает сомнений. Однако долгое время текст не признавался лингвистическим объектом, а только средой, в которой функционируют языковые единицы. Лишь во второй половине XX-го века исследователи стали обращать внимание на текст, его все чаще стали признавать лингвистическим объектом, текст сам стал рассматриваться как особая речевая единица в свете теории речевой деятельности и речевой коммуникации; сформировалась и начала развиваться

новая научная дисциплина, лингвистика текста. Так, И. Р. Гальперин в работе «Текст как объект лингвистического исследования» одним из первых признает текст объектом лингвистики, определив его, как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа; литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфазовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку [Гальперин, 1981: 18]. Автором определения выявлены основные черты текста – именно по этой причине мы принимаем его в качестве рабочего для нашего исследования.

1. 3. 1. Подходы к исследованию текста в лингвистике

Объектом лингвистического анализа выступают как художественные тексты, так и тексты нехудожественные. Задача лингвистического анализа нехудожественных текстов – изучение их языковой организации как формы выражения определенного содержания.

В современном языкознании существует разное понимание текста и многочисленные его дефиниции. Поэтому очень важно при определении текста принять во внимание все его характерные признаки. И. Р. Гальперин в работе «Текст как объект лингвистического исследования» одним из первых признает текст объектом лингвистики, определив его, как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа; литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфазовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 1981: 18]. Данное определение отражает основные

категории текста: он представляется как произведение речетворческого процесса, которое обладает завершенностью, имеет целенаправленность, состоит из ряда сверхфазовых единств, которые объединены разными типами связи, и обладает типологическими особенностями. Однако при определении текста как единицы лингвистического анализа И. Р. Гальперин ограничивается включением в понятие текста только письменным его выражением. Вместе с ним письменный характер текста признают и Н. Д. Зарубина, Л. М. Лосева и др. исследователи. Однако со временем исследования значительно дополнили данное понятие: текст рассматривается как реализация речи не только в письменной форме, но и в устной [см. В. Е. Гольдин, Т. М. Николаева и др.].

С развитием интернет-коммуникации встал вопрос о признании интернет-текстов объектом исследования теории текста. Интернет – особое коммуникативное пространство, позволяющее получать, хранить и выдавать совершенно разнообразную информацию, это огромное количество тематически связанных текстов. Под интернет-текстами подразумевают тексты, существующие в интернет-сети и обладающие рядом типологических особенностей: интерактивностью, диалоговостью, персональностью подхода, ориентированностью на восприятие, инфоцентричностью, её доступностью, взаимосвязанностью [Калмыков, 2005].

Исследователи выделяют три группы интернет-текстов в зависимости от целей авторов и потребностей читателей:

- тексты, создаваемые самими пользователями (он-лайн) (блоги, чаты, форумы и др.);
- образовательные ресурсы интернета (информационно-справочные, учебные и общекультурные);
- средства массовой информации (электронные сами – копии бумажных изданий или издания, функционирующие сугубо в интернете).

Каждый тип интернет-ресурса использует разнообразные средства взаимодействия с пользователями, и все они направлены на расширение возможности коммуникации с пользователями [Морослин, 2009: 14] и

включение интерактивной составляющей для большего привлечения аудитории. Интернет-текст, в отличие от текста в традиционном понимании, предполагает активное взаимодействие с пользователем: «общение в интернете задает максимально эксплицитный тип речевого поведения, провоцирует говорящих на проявление своего личностного начала и языковую свободу» [Какорина, 2007: 93].

Таким образом, лингвистика сегодня существенно расширила своё представление о тексте как объекте лингвистических исследований.

По мнению Л. В. Миллер, в отечественном текстоведении¹ существует четыре традиционных подхода к изучению т.н. «сложных» текстов [Миллер, 2003: 37]:

1) традиционный подход: внимание обращается на автора текста; главное в таком анализе – понимание замысла произведения и экспликация авторской позиции;

2) объект изучения – текст как законченное произведение, имеющее свою собственную структуру и обладающее «воспроизводимой последовательностью значимых элементов» [Миллер 2003: 38];

3) подходы лингвокультурологические и лингвострановедческие, при которых особое место занимает «культурный контекст» («совокупность информации историко-культурного характера»);

4) исследование восприятия и интерпретации текста; при таком подходе смысл «оказывается детерминирован художественным опытом и индивидуальными особенностями реципиента» [Миллер 2003: 38]. В отношениях «текст – реципиент» «структура и семантика текста образуют как бы одну часть сложного механизма, другая часть которого содержится в сознании и памяти индивида, воспринимающего текст» [Брудный, 1998: 133].

Схожего мнения придерживаются и авторы в работе «Лингвистический анализ художественного текста» [Бабенко, ..., 2000]; по мнению авторов,

¹ Текстоведение здесь: анализ текста с позиций большинства филологических наук

структуру текста составляют сам текст, автор (адресант), читатель (адресат), отражаемая текстом действительность и его языковая система. Сложность структурной, семантической и коммуникативной организации текста – причина множественности подходов к его изучению. И каждый из компонентов структуры может выступать объектом исследования. Таким образом, выделяются следующие основные подходы к изучению текста:

1. Лингвоцентрический (самый традиционный для лингвистики – текст рассматривается как источник языковых значений («язык – текст»). Исследователя интересуют лингвистические явления, функции языковых единиц в конкретном тексте);

2. Текстцентрический (исследование самого текста с анализом его внутренней организации);

3. Антропоцентрический (соотношение «автор – текст – читатель», проблемы порождения и восприятия текста, исследования модели порождения текста (замысел – реализация));

4. Когнитивный («автор – текст – внетекстовая реальность»; такой подход связан с пониманием языка как основного средства выражения знаний о мире, ведь любой текст отражает знания писателя о действительности).

Таким образом, подходы, выявленные в работах Л. Бабенко и Ю. Казарина, дополняют традиционные подходы, описанные в работе Л. В. Миллер: к описанным в её работе текстцентрическому и антропоцентрическому подходам прибавляются лингвоцентрический (сосредоточен на изучении функционирования языковых единиц в тексте) и когнитивный.

Языкознание 70-х годов XX-го века вобрало в себя достижения психолингвистики, функциональной и антропологической лингвистики, что дало почву для возникновения когнитивной лингвистики. Когнитивный подход исследует текст как способ представления знаний о мире. Он универсален, так как связан со всеми перечисленными направлениями и языковыми единицами в тексте с одной стороны, и с языковой картиной мира

– с другой. В центре этой науки «находится язык как общий когнитивный механизм» [Демьянков, 1994: 21], на первый план выдвигается исследование того, как именно человек воспринимает и концептуализирует действительность и какие факторы имеют решающее значение в формировании национально-ориентированной картины мира; язык признается отображением структур человеческого мышления и понимается как основное средство выражения знаний о мире.

Важно учитывать, что при переходе от нелинейной (когнитивной) структуры к линейной (языковой) эксплицитно выражается только часть когнитивной структуры, а другие её части могут присутствовать имплицитно, и именно их описание может способствовать выявлению тех компонентов плана содержания, которые обычно исключались из рассмотрения [Баранов, Добровольский, 1997: 11-21]. Поэтому ключевым понятием в когнитивной лингвистике выступает концепт.

В современной лингвистике когнитивный подход как научное направление все еще недостаточно разработан, хотя изучению когнитивных аспектов языка посвящены работы ряда отечественных лингвистов (Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, Ю. С. Степанова и др.). Несмотря на это, об окончательно сформированной когнитивной теории текста говорить еще рано.

I. 3. 2. Художественный текст в лингвистических исследованиях и его концептуальный анализ

Определение текста И. Г. Гальперина содержит отражение основных категорий текста: текст представляется как произведение речетворческого процесса, которое обладает завершенностью, имеет целенаправленность, состоит из ряда сверхфазовых единиц, которые объединены разными типами связи, и обладает типологическими особенностями.

Одна из важнейших категорий художественного текста – его целостность, она неразрывно связана с понятием концепта: «Осознав некий

текст как целое, мы тем самым ищем его понимания как целого» [Гаспаров, 1996: 324]. Целостность формируется благодаря наличию общей темы, которая может быть представлена в разных проявлениях, и прежде всего в заголовке текста, в котором может быть выражена либо сама тема, либо позиция автора по отношению к ней: «Один из существенных признаков текста – его завершенность. Этот признак выталкивает на поверхность текста заголовки, без которого <...> нельзя построить модель текста» [Гальперин, 1981: 5]. Тенденция к раздробленности внутри художественного текста в современной литературе выводит роль заголовка на первый план – активизация заголовком уже существующих у читателя знаний и воспоминаний помогает сформировать единую тему текста, объединив все его составляющие. Концептуализированные заголовки, которые представляют в данной работе особый интерес, ставят в центр внимания ведущую тему произведения.

Текст в своей целостности – последовательность высказываний, передающих определенную информацию. Эта информация может выражаться либо открыто, эксплицитно, либо имплицитно – тогда необходим ряд действий для выявления информации из представленного текста.

По типу информации И. Р. Гальперин выделил три типа информации в тексте:

Содержательно-фактуальная информация эксплицирует факты, события, процессы и др. в окружающем мире, действительном или воображаемом. Этот вид информации эксплицитен по своей природе, его выражение всегда носит вербальный характер – единицы языка в содержательно-фактуальной информации всегда употребляются в прямом словарном значении.

Содержательно-концептуальная информация «сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами содержательно-фактуальной информации, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической, культурной жизни народа, включая отношения

между отдельными индивидуумами, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия» [Гальперин, 1981: 28]. Именно содержательно-концептуальная информация обнаруживается прежде всего в художественных текстах и подразумевает отражение реальной действительности в представленном писателем мире. Понять содержательно-концептуальную информацию сложно – текст может содержать неоднозначные элементы, их толкование зависит от прочтения текста читателем, понять её помогает содержательно-подтекстовая информация.

Содержательно-подтекстовая информация – скрытая информация, которую можно извлечь из содержательно-фактуальной информации благодаря ассоциативным и коннотативным значениям лексем, а также благодаря приращению в ней смысла. Также понимание природы содержательно-подтекстовой информации невозможно без понятия пресуппозиции, «долговременной памяти человека, включающей его знания о мире и собственный индивидуальный опыт» [Чернухина, 1990: 26].

Концептуальная информация – результат интегрирования процесса восприятия фактуальной и подтекстовой информации [Реброва, 2011: 111].

Художественный текст осмысливается как сложный знак, который выражает знания писателя о действительности в виде индивидуально-авторской картины мира [Маняхин, 2006].

Восприятие художественного текста должно включать в себя не только соотнесение с реальностью или с сознанием реципиента, но и сопоставление с контекстом смыслового пространства национальной культуры. Так, текст становится не только итогом коммуникации автора и читателя, но и частью культурного пространства, традиций и вех культуры. Для понимания текста нам нужно не только понимание контекста и текста как отражения реальности, но и осознание того, что текст – «частица непрерывно движущегося человеческого опыта» [Гаспаров, 1996: 275], промежуточный продукт, который представляет собой не только отражение объективной реальности, но и прежнего опыта. Отношения «текст – контекст» всегда динамичны, а это значит, что предмет «за текстом» – не только культурно-

историческая реальность, но и концептуализированный мир, который сформировала русская литературно-эстетическая традиция на протяжении литературной истории.

Художественный текст не может существовать вне понятия интертекстуальности, так как «смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст» [Смирнов, 1995: 8, 11]. Текст, существуя в культурном контексте, сочетает как индивидуально-авторский опыт, так и коллективный художественный. Поэтому художественный текст при концептуальном анализе необходимо рассматривать не изолированно, а в широком культурном контексте.

Художественный концепт нуждается в конкретной экспликации, которая бы вплеталась в ткань текста, например, в виде мотива, который представлен как художественное высказывание, текстовый элемент с функцией реализации смыслового и эстетического содержания концепта. Мотив – это «общность рассеянных и разнородных концептных смыслов, обретших текстуальные формы» [Миллер, 2003: 50]. Какие бы ни были размытые границы у мотива в рамках художественного текста, он найдет отклик в воспринимающем сознании (в рамках единого дискурса).

Мотив, в силу его природы, обладает тремя функциями: когнитивной (экспликация и стабилизация конкретных смыслов), коммуникативной (трансформация смыслов, которая определяется авторским замыслом, транслируется в воспринимающее сознание и художественная картина мира) и эстетической (мотив – это эстетический знак, стимулирует художественное переживание).

Таким образом, для исследования художественного концепта в рамках художественного текста необходимо сопоставление с предыдущим опытом национальной культуры. Текст не может существовать вне этого опыта, так как смысл художественного произведения формируется, пусть и частично, в широком культурном контексте. Концепт раскрывается только в интертекстуальном контексте, и мотив – одна из форм его экспликации. И

многократное воспроизведение мотива превращается в лейтмотив, который, будучи компонентом сознания, выводит его на интертекстуальные связи. В художественном произведении художественный концепт имеет большие возможности реализации: так, например, в художественных текстах прямое значение слова обрastaет иными смыслами.

Важно, что такой подход имеет свои недостатки. Так, например, М. Я. Дымарский справедливо считает, что такой подход больше напоминает угадывание смыслов в метафорическом мешке: «какое вызовет у интерпретатора ту или иную ассоциацию, такое тут же и объявляется отсылкой к какому-нибудь мифу, бродячему сюжету или другому тексту» [Дымарский, 1999: 160].

Концептуальный анализ художественного текста – сложная поэтапная процедура, основная задача которой – выявление способов актуализации концепта в тексте.

I. 4. Методика анализа концепта «новая жизнь»

Анализ концепта как ментально-культурно-языковой единицы невозможен без анализа единиц его конкретных вербализаций в речевом дискурсе – языковые единицы только в совокупности различных контекстов актуализируют весь спектр своих значений. Именно извлечение и систематизация эксплицированных языковых единиц концепта помогают его реконструировать.

Ассоциативно-вербальное поле (далее – АВП) – участок «лексико-фразеологической и синтаксической системы языка» [Васильев, Васильева, 2002: 25], представляющий концепт, именно АВП выступает экспонентом (воплощением, материализацией) концепта, оно вбирает в себя все значимые для слова-стимула семантические и грамматические связи. Именно АВП, будучи собранием единиц лексикона в широком смысле этого слова, раскрывает многогранность восприятия концепта как ментальной единицы.

Знания в АВП реализуются в единстве трех компонентов:

а) в словарном составе языка (в грамматическом и словообразовательном строении);

б) в проявлении языкового сознания в АВП;

в) в экстралингвистических знаниях, отражающих языковую картину мира совокупного носителя языка.

АВП каждого слова отражает ситуативные, культурно-исторические, оценочные и другие типы отношений между стимулами и реакциями [Крыга, 2001: 153] и содержит в себе насыщенный пласт различных лингвистических и страноведческих знаний, именно в АВП содержится информация, в которую включены «значения полисемантического слова, его синонимические, антонимические, омонимические ряды, синтаксическая сочетаемость, варьируемость словообразовательная, словоизменительная» и др. [Там же].

Проводя исследование концепта на материале не только словарей, но и речевых произведений, мы должны выявить все выше названные связи ключевого словосочетания, анализируя словарные дефиниции, иллюстративные речения, словоупотребление в текстах отобранных для нашей работы. Содержание концепта реализуется и формируется именно в речевом дискурсе – языковые единицы актуализируют разные контекстуальные значения, а также способны прирастить, вобрать в себя дополнительные индивидуально-авторские значения.

Для выявления особенностей репрезентации концепта «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре необходимо систематизировать и структурировать эксплицированный вербализованный материал, на котором строится реализация концепта в языке и в индивидуально-авторских реализациях концепта в произведениях А. П. Чехова и в рассказе А. И. Слаповского.

Для описания концепта «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре, выявления особенностей его смысловой структуры, её компонентов, их вербализации на фоне специфики индивидуально-авторской

реализации у А. П. Чехова и А. И. Слаповского необходимо предпринять следующие шаги:

1. На материале словарных дефиниций словарей современного русского языка, толкующих значение словосочетания «новая жизнь», выявить его понятийное ядро, образную составляющую и ценностный компонент; сопоставив данные разных словарей, реконструировать содержание концепта, стоящего за данным словосочетанием, выделив наиболее частотные признаки концепта;

2. На основе контекстуального анализа употребления словосочетания «новая жизнь» в современных русских интернет-текстах провести анализ употребления данного словосочетания в современной русской речи;

3. Провести комплексный анализ выбранных произведений А. П. Чехова, выявить особенности реализации в них концепта «новая жизнь»;

4. Провести сопоставление концепта в современной лингвокультуре и в творчестве литературного предка А. И. Слаповского А. П. Чехова;

5. Выявить структурно-смысловые и вербальные особенности реализации концепта «новая жизнь» в рассказе А. И. Слаповского «Новая жизнь»;

6. Провести контрастивный анализ особенностей смысловой структуры общенационального концепта «новая жизнь», содержания его компонентов и их вербализации на фоне актуализации в произведениях А. П. Чехова и рассказа А. И. Слаповского.

На каждом этапе анализа представляются ассоциативно-вербальные поля АВП, служащие экспонентами исследуемого концепта. В заключение проводится комплексное описание выстроенных АВП.

Таким образом, проведенные в анализе концепта «новая жизнь» операции представляют собой единую систему концептуального анализа, при котором выявляется потенциал изучаемого концепта в современной русской лингвокультуре.

Выводы

Когнитивная лингвистика как направление науки о языке, которое исследует отношения языка и сознания, роль языка в концептуализации мира, с каждым годом получает всё большее развитие в русском языкознании. Одной из единиц в рамках таких исследований становится «концепт», при этом, несмотря на отсутствие однозначного определения термина, в лингвистике сформировалось общее понятие концепта как единицы языковой картины мира. В качестве рабочего мы принимаем определение концепта как функционально значимого для культуры «представления о фрагменте мира» [Пименов, 2004: 10]. Неоднородность самой природы концепта привела к существованию разных точек зрения на её структуру и содержание. З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют концепты в зависимости от того типа отражения действительности, которые они в себе несут [Попова, Стернин, 2010]. Концепт, который мы рассматриваем в работе, принадлежит к типу сценариев – стереотипных эпизодов, в отличие от фреймов имеющих временную и пространственную реализацию [Попова, Стернин, 2007: 83]. В структуре концепта мы, вслед за В. И. Карасиком, выделяем три компонента: образный (чувственные характеристики предмета), понятийный (фактуальная информация) и ценностный (оценочные категории, закрепившиеся в культуре и языке за данным концептом).

Исследование концепта в рамках когнитивной лингвистики включает в себя и анализ художественного текста, так как художественный концепт является отражением художественной картины мира автора, произведения которого не могут функционировать вне культурной традиции, а следовательно, относятся к общекультурным явлениям. Художественный текст содержит информацию содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую. Анализ трёх типов информации выявляет особенности функционирования художественного концепта и способов его вербализации на фоне актуализации в

художественных текстах, а интертекстуальные связи соотносят индивидуально-авторский опыт с опытом национальной культуры.

Исследование концепта как ментальной и лингвокультурной единицы основывается на анализе его вербальной актуализации в речи – выявление языковых единиц, служащих вербальным выражением концепта. Экспонентом концепта выступает ассоциативно-вербальное поле АВП, которое включает в себя проявление языкового сознания, а также экстралингвистические знания – отражение языковой картины мира собирательного носителя языка. Это позволило нам определить методику поэтапной реконструкции АВП для описания общенационального концепта на фоне его реализации в художественных произведениях А. П. Чехова и его литературного потомка А. И. Слаповского.

Глава II. Анализ концепта «новая жизнь»

II. 1. Концепт «новая жизнь» по данным словарей современного русского языка

Для описания концепта «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре необходимо выявить особенности актуализации данного словосочетания по данным словарей современного русского языка. Языковая фиксация концепта формирует понятийный компонент концепта, представляя совокупность существенных признаков объекта исследования. Для достижения цели мы провели описание концепта «новая жизнь» по его концептуальным признакам по данным толковых и ассоциативных словарей русского языка.

Для выявления понятийных признаков концепта «новая жизнь» мы обратились к словарным дефинициям, толкующим данный концепт. Источниками материала на данном этапе послужили 16 словарных статей на слова «жизнь», «новый», «начинаться» в *языковых* [БТС, 1998; Комплексный словарь..., 2007; Большой универсальный словарь..., 2016; Толковый словарь Совдепии, 1998; БАС, 2009; Словарь современного русского..., 1955; Словарь эпитетов, 2001; Большой универсальный, 2016; СРЯ, 1985-1988; Большой словарь <...> поговорок, 2007] и *энциклопедических* [БРЭС, 2009] словарях современного русского языка, а также стимулы и реакции из *ассоциативных* словарей [Словарь ассоциативных норм..., 2006; Русский сопоставительный ..., 2008; Русский ассоциативный словарь, 2002].

Так, в толковых словарях русского языка мы находим следующие определения ключевых слов концепта «новая жизнь» как отдельного явления или как одного из оттенков значения лексем *новый* или *жизнь*:

Жизнь – <...> 5. Образ существования кого-л. <...> Оттенок значения: (обычно с определением). Установившийся порядок в повседневном существовании кого-, чего-л.; быт. [БТС, 1998; 306].

Жизнь – <...> 3. Период жизни, который отличается чем-л. [Комплексный словарь..., 2007; 261].

Жизнь – <...> 4. Существование кого-л. как последовательно разворачивающийся, наполненный событиями, отличающийся какими-л. особенностями и т.п. процесс (синоним – *бытие*) [Большой универсальный словарь..., 2016; 304-306].

Жизнь – <...> 2. Образ существования, установившийся порядок в повседневном существовании коллектива, общества. Оттенок значения (идиомы, пословицы, крылатые слова): **Новая жизнь**. О жизни по социалистическим, коммунистическим нормам, принципам. [Толковый словарь языка Совдепии, 1998; 190-191].

Жизнь – <...> 6. [жизнь] кого-чего или с опр. Деятельность общества и человека в тех или иных её проявлениях, в различных областях, сферах. <...> (обычно с опр.) Установившийся порядок в повседневном существовании кого-л, чего-л.; быт. [БРЭС, 2009. Эл. ресурс.].

Жизнь – <...> 6. Образ существования, быт <...> (устойчивое словосочетание): Новая, старая и т.п; жизнь. [БАС, 2009; 498-499].

Жизнь – <...> 5. Жизненный уклад, быт; житье. [Словарь современного русского..., 1955; 145-146].

Жизнь – Жизненный уклад; способ существования; быт; времяпрепровождение. Логическое, бытовое определение: <...> *новая* <...> [Словарь эпитетов..., 2001; 67-69]

Новый – <...> 7. Не тот, что прежде; иной. (устойчивое словосочетание) **Начинать новую жизнь**. О попытке, намерении и т.п. коренным образом изменить образ жизни. [БАС, 2009; 498-499].

Новый – <...> 4. Появившийся вместо прежнего, ранее бывшего, заменивший или предназначенный заменить его; следующий, очередной. <...> Оттенок значения: не такой, как прежде; иной, другой. [БТС, 1998; 654].

Новый – <...> 3.1. Такой, который никогда раньше не испытывался, не переживался. <...> 4.1. Такой, который отличается от прежнего, не такой, как прежде. Ср. другой, иной. [Большой универсальный..., 2016; 625-626].

Новый – <...> 4. Появившийся вместо прежнего, ранее бывшего, заменивший собой прежний или такой, который появится, заменит собой

прежний. <...> Оттенок значения: не испытанный, не изведанный кем-л. раньше. [СРЯ, 1985-1988; 505].

Начинаться – иметь начало, возникнуть; начать совершаться, происходить.<...> Оттенок значения: настать, наступить [СРЯ, 1985-1988; 505].

Начинать/начать новую жизнь. разг. шутл-ирон. Резко изменять свою жизнь (обычно – с намерениями исправиться, стать лучше) [Большой словарь <...> поговорок, 2007; ??].

Жизнь – перен. Полнота проявления физических и духовных сил; душевный подъем, одушевленность. *Вдохнуть жизнь в кого-либо.* Оживить, одухотворять кого-либо [Словарь Современного русского..., 1955; 145-146].

Жизнь – <...> 3. Полнота проявления физических и духовных сил. *Кто-л. полон жизни. В нём много энергии, много жизни. Любовь вдохнула в неё новую ж.* (вызвала сильный подъём всех жизненных сил) [БТС, 1998; 306].

На основании анализа приведённых словарных дефиниций нами были выявлены следующие понятийные признаки концепта «новая жизнь»:

1. Понятийная составляющая концепта «новая жизнь» включает в себя концептуальный компонент **образ жизни**, выраженный такими единицами, как *быт* (5), *образ существования* (4), *установившийся порядок* (3), *жизненный уклад* (2), *времяпрепровождение* (1), *житье* (1), *способ существования* (1), *существование* (1). Выступая наименованиями одного концептуального признака, данные языковые единицы вступают друг с другом в синонимические отношения.

Интересной в рамках этого признака можно считать единицу *[коммунистические] нормы и принципы* – при очевидном соответствии признаку **образ жизни** *новая жизнь* в этом значении – исторически значимое понятие, которое отражает желание «построить новый мир», характерное для революционеров прошлого века. Наше предположение подтверждается историческим фактом: в начале прошлого века существовала большевистская газета «Новая жизнь», выходившая в 1905-м г., а затем и меньшевистская

газета с аналогичным названием, которая выпускалась в 1917-1918-м гг. [Коростелов, 2015; Гринберг, 1951].

Новая жизнь предполагает важные для человека изменения в значимых сферах его существования и смену основных направлений жизненной парадигмы субъекта новой жизни. Концептуальный признак **перемена**, который вербализуется такими единицами, как *другой* (3); *иной* (3); *не изведанный кем-л. раньше* (3); *не тот* [не такой], *что прежде* (3); *никогда раньше не испытывался, не переживался* (3); *заменить прежний* (2); *изменить* (2); *появиться вместо прежнего* [ранее бывшего] (2); *коренным образом* (1), *отличается от прежнего* (1); *резко* (1); а также аксиологически маркированные *исправиться* (1) и *стать лучше* (1).

Понятийный компонент концепта включает в себя также темпоральный концептуальный признак, как **период, наступающий после прежней жизни**, номинациями которого выступают такие единицы, как *период* (1) и *процесс* (1).

Лексические единицы *попытка* и *намерение* формируют один из компонентов **сценарной** реализации концепта «новая жизнь».

Интересным представляются метафора **душевный подъем**, которая выражается такими единицами, как *полнота проявления физических и духовных сил* (3), *душевный подъем* (1), *одушевленность* (1) и связанный с ней фразеологизм *вдохнуть новую жизнь*, который определенно требует культурологического комментария.

Происхождение выражения связывают с библейским описанием рождения Адама. Согласно поверью, первый человек был вылеплен Богом из глины, и Бог вдохнул в Адама жизнь. И именно этот вдох назывался «дыханием жизни». В древние времена на Руси существовала схожая традиция: новорожденному ребенку в первые минуты его жизни буквально вдвухали воздух через рот и ноздри — легкие наполнялись воздухом и расширялись, младенец начинал вопить. Именно это действие и означало, что в ребенка вдохнули новую жизнь.

На сегодняшний день у этого фразеологизма несколько иное значение – часто он имеет отношение к неодушевленным предметам, «воскрешение» которых сопровождается вдыханием в них новой жизни: *«новая жизнь ваших колес»* [Происхождение и значение словосочетания «вдохнуть жизнь», электронный ресурс].

Таким образом, концепт «новая жизнь», по данным словарей, – это перемены в образе жизни в период, наступающий после прежней жизни. Периферийная переносная образная составляющая концепта связана с библейским представлением о начале жизни.

II. 2. Концепт «новая жизнь» в интернет-коммуникации

В качестве материала для анализа способов вербализации словосочетания *новая жизнь* в пространстве современных текстов повседневного общения нами были выбраны тексты интернет-коммуникации. Материалом, эксплицирующим концепт «новая жизнь» в общенациональном контекстуальном употреблении, выступили тексты интернет-форумов и блогов, на которых разные люди рассказывали о своих планах или о своем опыте начала новой жизни [Как изменить свою жизнь: 23 истории людей, которые придумали себя заново, 2013, электронный ресурс], либо давали советы тем, кто хочет начать новую жизнь [Хочу новую жизнь! – но почему-то не получается, электронный ресурс], либо делились крылатыми фразами и цитатами о новой жизни, которые уже «ушли в народ» и стали частью русского общекультурного пространства [Жемчужины мысли: категории / Новая жизнь, электронный ресурс].

Понятийный компонент концепта на материале анализа современных текстов включает в себя также темпоральный концептуальный признак **период, наступающий после прежней жизни**. Наличие в понятийном компоненте темпорального признака определяет необходимость отнесения к данному концептуальному признаку фазовых глаголов со значением начала как по отношению к новой жизни как к объекту, на который направлено

действие (*начинать, начать, начал, начала*), так и к случаям, когда *новая жизнь* выступает как самостоятельно проявляющийся феномен (*началась, начинается, начиналась, наступила*).

Сюда же можно отнести отглагольное существительное *начало* (*жить/ жизнь с начала*) и контекстные употребления *с чистого листа, с нуля*:

«Уезжали за «железный занавес». И начинали новую жизнь с нуля, вгрызаясь в новый язык, новую культуру»;

«Начать жизнь с нуля легко, гораздо сложнее выйти из минуса»;

«Если Вы решили начать новую жизнь, то лучшее место для начала как раз именно то, где вы сейчас стоите»;

«Пришла пора освободиться от этого хлама, чтобы с чистого листа начать новую жизнь»;

«Да, я, наверное, рисковая, / Что с нуля начала жизнь новую».

На основе контекстуального анализа мы также выделили концептуальный признак **новизна**, который предполагает изменения в жизни и выражается такими единицами, как *новый, новое, новая, по-новой, по-новому, совершенно, еще не было ошибок*: *«в новой жизни планирую все делать по-новому»*; *«Старая жизнь был стерта, и началась новая, совсем новая жизнь, в которой еще не было ошибок»*; *«началась совершенно новая жизнь»*.

Понятийная составляющая концепта предполагает также наличие **субъекта**, который начинает новую жизнь: *я, вы, он, она* (*«завтра я начинаю новую жизнь»*, *«он начал совершенно новую жизнь»*).

С наличием субъекта связано и то, что новая жизнь осуществляется двумя разными способами: **активно и пассивно**, в зависимости от того, какую позицию занимает субъект. Активная позиция предполагает физические и умственные усилия для достижения целей, силу воли для поддержания ощущения новизны жизни, а субъект с пассивной жизненной позицией надеется на обстоятельства, которые облегчат его жизнь, и на людей, которые готовы пробудить его к новой жизни, провести к ней, и на начало новой жизни по волшебству:

Пассивная позиция: *«В вашем окружении как по волшебству начнут появляться люди, ведущие к новой жизни»; «Конец года принесет избавление от многих неприятных ситуаций и позволит начать новую жизнь»;*

Активная позиция: *«Он начал новую жизнь, стал физически более активным, увлекся гимнастикой, спортом».*

В сценарную зону понятийного компонента начала новой жизни входят три составляющие:

а) **желание новой жизни**, выраженное лексемами *намерение, собираться начать, желание, твердое намерение, хотеть, обдумывать, предвкушение, планы*. Именно осознание желания и является первым шагом к новой жизни;

б) **процесс перехода**, состоящий из таких компонентов, как решение, план (*решение*); отказ от старого (*отказаться от пагубных привычек*); попытка, проба нового (*попытка, попробовать начать*);

в) **проживание новой жизни**: *зажить новой жизнью, привыкать к новой жизни, приспособиться к новой жизни, жить новую жизнь*.

Таким образом, в понятийную составляющую концепта «новая жизнь» добавляется фигура субъекта, способного её начать. С фигурой субъекта связаны и способы начать новую жизнь – активный или пассивный. Сценарный компонент «новой жизни», частично вербализованный в словарном материале, находит в контекстуальном употреблении полную реализацию в виде трех этапов: «желание новой жизни», «процесс перехода», «проживание новой жизни». Признак период, наступивший после прежней жизни, находит новую лексическую реализацию в виде фазовых глаголов со значением начала, отглагольных существительных и выражения *с чистого листа*.

Интересно образное представление новой жизни как **игры**: *«играть в новую жизнь по старым правилам»* – новая жизнь как реализация сценария требует действий по определенным канонам, к которым субъект не всегда готов: нет сил или желания отказаться от старых привычек и не всегда достаточно мотивации, чтобы изменить образ жизни.

Образная составляющая концепта «новая жизнь» также предполагает представление жизни как **спирали**, а новой жизни – как одного из её **витков**. Это выражается в привязке начала *новой жизни* к определенной дате, первому дню календарного цикла: *к понедельнику, первому сентября, первому января, новому году, к утру, первому дню чего-л.* Здесь же – «*не откладывать на завтра*» («как и при похудении необходимо <...> не откладывая на завтра»), так как *завтра* начинается новый жизненный суточный цикл. Именно образ спирали воплощён в следующем текстовом фрагменте: «*Как правило, одним началом новой жизни мы не ограничиваемся, упорно начиная ее раз за разом*».

Для русской культуры характерно представление о цикличности времени, о завершенности и повторяемости жизненного круга: «в основе праславянской картины мира лежит единая наивная (циклическая) модель времени, детерминированная конкретно-образным мышлением, связью с реальными природными циклами, языческими верованиями и представлениями, которые отражаются в сельскохозяйственной жизни <...> и находят выражение в языке» [Михеева, 2016: 59]. Таким образом, наличие у концепта «новая жизнь» временного концептуального признака объясняет и особенности его восприятия наивным сознанием. Это обеспечивает перенос концепта из области реального временного промежутка (*начать новую жизнь завтра/первого сентября* и др.) в область физиологической метафоры, при которой «новая жизнь» воспринимается как рождение ребенка, обреченного на прохождение жизненного цикла «с начала». Концептуальная метафора **новая жизнь – это новый человек** выражена еще и такими единицами, как *зарождение новой жизни, рождение новой жизни, пришла новая жизнь, ждала новая жизнь, появилась новая жизнь, давать начало новой жизни*.

Сюда же можно отнести фитоморфные метафоры *земля новой жизни, семена новой жизни, питать новую жизнь, росток новой жизни*, предполагающие тот же перенос на основании цикличности физиологического процесса, что и рождение ребенка, но в области органики: «*весенние дожди питают новую жизнь*»; «*хочется прожить достойно и*

оставить после себя добрые семена новой жизни»; «Сквозь топкую грязь пробивались на поверхность ростки новой жизни».

В контексте образного представления новой жизни как одного из витков спирали жизни становится понятным, что метафора **душевный подъем** в таком контексте, как *любовь вдохнула в неё новую жизнь*, сочетает в себе понятия о новой жизни как о начале нового жизненного цикла, так и о её качественной характеристике.

С представлением новой жизни как спирали также связано и представление новой жизни как **дороги**: движение во времени представляется реальным физическим движением вперед; перенос временных категорий в пространственные приводит к тому, что жизнь в сознании русского человека представляется как дорога, путь, по которому идет субъект: *«сделать первый шаг на пути новой жизни», «впереди ждала новая жизнь», «какой будет дорога в новую жизнь?», «он помог ему выйти на дорогу новой жизни».*

Стоит отметить также и такие созидательные, строительные метафоры, как *строить/построить новую жизнь* и *творить новую жизнь*, представляющие новую жизнь как объект, на который направлено действие, в данном случае описание жизни как нового **дома**: *«Новая жизнь – как новый дом. Ее нужно строить поэтапно и грамотно, соблюдая технику психологической безопасности и наслаждаясь каждым новым днем. Вот тебе самый простой и приятный план строительства!»; «Перед тем, как начинать строить новую жизнь, присмотритесь к тому чем владеете на данный момент»; «Решив начать новую жизнь, не забудьте запереть на все замки входную дверь, чтобы прошлое не шагнуло в нее непрошеным гостем...».*

Новой жизнью можно обладать, именно эта метафора выражается в таких единицах, как *его новая жизнь*, *своя новая жизнь*.

Остановимся на фразеологизме *сжигать за собой мосты*. Это образ, который более полно раскрывает особенности одного из этапов становления новой жизни, а именно перехода из старой жизни в новую. Это изречение

имеет несколько историй происхождения, но все они сходятся на том, что это действие было символичным жестом: прибывая на место сражения, полководец сам отрезал себе все пути к бегству, сжигая мосты для того, чтобы показать воинам: назад дороги нет [Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, 2005].

Таким образом, «новая жизнь» предстает как реализованное желание чего-то нового, предполагает радикальный отказ от того, что было раньше; это сопровождается душевным подъемом. И желание это циклично – после вхождения в новую жизнь субъект со временем утрачивает восприятие такого уклада жизни как нового или возвращается в прежнее состояние – в нем снова возникает потребность в переменах:

«Я меняю свою жизнь каждую весну, ну каждые пару лет»;

«Говорим себе: «Все! – с понедельника (с Нового Года, с Дня рождения...) начинаю новую жизнь!» – И ведь начинаем! Начинаем заниматься спортом, избавляемся от хлама, садимся на диету, бросаем что-нибудь... Но почему-то наша новая жизнь заканчивается очень быстро, и все возвращается на старые рельсы. Как правило, одним началом новой жизни мы не ограничиваемся, упорно начиная ее раз за разом».

Интересным оказалось предложение у него словно начиналась новая жизнь, в котором союз «словно», с одной стороны, выражает иллюзорность, недостоверность впечатления, с другой, – имплицитно противопоставление новой жизни прежней жизни. Именно здесь становится очевидным, что в наивном сознании существует ясное представление новой жизни: она предполагает материальные и абстрактные **атрибуты**, совокупность которых описывает внешние признаки новой жизни, которые соответствуют типичным представлениям о желаемых благах: **здоровый образ жизни** (гимнастика, физическая активность, спорт, полезные привычки, новые привычки), **блага, соответствующие новому, более высокому статусу** (новые туфли, белье, духи, сумочка, новая манера одеваться, новый дом, новая косметика), **переезд** (дорога, граница, другая страна, другой город, новое место), **абстрактные атрибуты** (улыбка, новые планы, новые силы)»:

«Он начал новую жизнь, стал физически более активным, увлекся гимнастикой, спортом»; «Начиная новую жизнь, вам придется действовать по-новому. А для этого понадобятся новые привычки, навыки и знания. Заведите полезные привычки, которые будут помогать в достижении ваших целей. Займитесь своей внешностью, пойдите в спортзал или бассейн»;

«Хочу новую жизнь! Для этого нужно только купить новые туфли, белье, духи и сумочку»; «...надо начать новую жизнь с новой косметикой!»; «Для того чтобы обновить свой гардероб Вам потребуется немало походить по магазинам с одеждой, в результате чего каждая одежда начнет свою историю существования в Вашей новой жизни, с ней будут связаны лишь те воспоминания, которые накопились во время её покупки, примерки и первого выхода в ней в свет»; «Вот так начиналась моя новая жизнь <...> В мае я получила первую премию за апрель, что-то около 40 тысяч, и тогда же приняла очень мужественное решение, наконец-то обновить свой гардероб. Я разрешила себе потратить аж целых 7 тысяч, чтобы купить себе плащ, и несколько блузок и юбок»;

«Хочу переехать жить в другой город. бросить все и начать жизнь с нового листа»; «Хочу построить свою новую жизнь в Нью-Йорке»; «На первых порах, наверно, будет ооочень тяжело, ведь новый город, новая жизнь»;

«С понедельника начинаю новую жизнь!!! Буду по утрам делать зарядку! Перестану есть после 21-00! Выучу английский! Брошу курить!»; «В новой жизни я все планирую делать по-новому: улыбаться, одеваться и даже строить планы не похожие на те, что были в прошлом».

Атрибуты новой жизни противопоставляются абстрактным атрибутам прежней жизни: лень, оправдания, ожидания, обыденность, ссоры, разногласия, обиды: «все планы на начало новой жизни рушат такие обыденные вещи: лень, поиски оправданий и глупые ожидания»; «Многих не устраивает их жизнь, хочется что-то изменить, вычеркнуть, дополнить и при этом лень делать шаги навстречу чему-то новому. Всегда есть оправдания и отговорки, почему не сейчас, не сегодня и даже не завтра».

Новая жизнь, как уже говорилось, предполагает наличие субъекта, и именно его **неудовлетворённость** настоящим, старой жизнью, её атрибутами и собой и определяет ценностный компонент концепта. Концептуальный признак **оценка новой жизни и её компонентов** имеет зачастую положительную коннотацию: чаще новая жизнь характеризуется как *светлая, радостная, безоблачная и свободная*, которой можно наслаждаться:

«...и только потом <...> расслабиться и начать наслаждаться «новой жизнью»; «Я наслаждаюсь своей новой жизнью здесь»; «Давайте спать. Наверняка, с утра настанет совсем новая жизнь, светлая и безоблачная»; «И эту новую счастливую жизнь начать планируется именно со следующего понедельника».

Однако иногда – например, при смене политического режима, – сочетание «новая жизнь» используется в иронично-отрицательном ключе: перемены характеризуются как *печальные и грустные*. Примечательно, что оценка новой жизни зависит от того, начал её субъект по своей воле или по принуждению и по воле обстоятельств: *«В 1921 году 33 корабля <...> у русских офицеров и их семей началась новая жизнь. Люди, собранные на ограниченном пространстве, поначалу не могли заниматься ничем, кроме как вспоминать покинутую страну и надеяться, что скоро вернутся и увидят Россию такой, какой они ее оставили».*

По этой же логике выстраивается и **оценка прежней жизни и её компонентов**: она всегда трактуется либо строго положительно (*«Дальше я узнал, что наш дом будут разбирать на дрова. Таким образом, недолговечная идиллия <...> окончилась. **Старая жизнь** с привычным укладом умерла»*), либо строго отрицательно (*Джерри Холлиуэлл начинает новую жизнь. Этому решению бывшей *spice girl* предшествовал ряд событий, убедивших ее в том, что **старая жизнь** явно никуда уже не годится*), но, как и в предыдущем случае, как антипод другой жизни, которая несет безвозвратные перемены.

Старая жизнь трактуется положительно только в том случае, если перемены произошли не по воле человека. Если же человек принимал непосредственное участие в изменении уклада жизни, то старая жизнь

тракуется однозначно отрицательно. Однако отрицательное отношение к предыдущей жизни не всегда однородно по своей структуре. Так, однозначно отрицательное отношение к старой жизни, нежелание возвращаться к старым ошибкам (*«Решив начать новую жизнь, не забудьте запереть на все замки входную дверь, чтобы прошлое не шагнуло в нее непрошеным гостем...»*) не единственное из возможных. Часто встречается и такое понимание новой жизни, при которой субъект решает *взять с собой многое из старой жизни*, что свидетельствует о неоднозначной оценке старой жизни: *«в новой жизни мне пригодятся ошибки прошлого»; «все, что, по её мнению, могло понадобиться ей в новой жизни, она привезла с собой».*

Ценностный компонент концепта предполагает частичное описание **культурного скрипта** концепта «новая жизнь». Культурный скрипт – это «общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя - мнения, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой некоторые объективные факты, доступные научному изучению» [Вежицкая, 2002: 6].

В русской лингвокультуре отношение к началу новой жизни чаще положительно, однако формируется оно исключительно исходя из данных о старой жизни и о субъекте действия. Неудовлетворенность субъекта жизнью должна подкрепляться внешними факторами, атрибутами, которые оправдывают желание начать новую жизнь, в противном случае начало новой жизни не является необходимостью, которая сопровождалась бы положительной оценкой: *Вот уже в мае будет год, как я сбежала от своего мужа тирана; Я, муж, который два года не мог устроиться на работу, и двое детей. Младшей 2 года. Уже год, как я работаю одна и содержу семью из четырех человек»;*

«Я работаю в Фотоцентре дизайнером-оператором цифровой печати. В мои обязанности входит печать фотографий, настройка минилабов и ретушь и дизайн. Наше начальство нас терпеть не может, мы ему отвечаем взаимностью. Зарплата 12 000 рублей. Это весь доход на семью. Я постоянно кручусь и хватаю параллельно заказы на дом, обрабатывать

старые семейные архивы. С мужем, с которым прожили уже больше шести лет постоянно ссоримся и ругаемся, хотя до этого жили душа в душу».

Процесс перехода в новую жизнь также сопровождается рядом **канонов**, несоблюдение которых ведет к отрицательному отношению в начинании новой жизни, так как формирует образ несерьезного отношения к самому факту перехода. Субъект при переходе в новую жизнь должен самостоятельно прикладывать усилия, стараться всеми силами самостоятельно порвать с прежней жизнью, а это всегда тяжело, так как процесс перехода сопровождается страхом: *если хочется, надо ехать, а не искать себе отговорки и бояться.*

Поэтому при кардинальном изменении в жизни, при смене статуса человека пугает неизведанное, действительно принципиально новое. Поэтому ценностная составляющая выражается также концептуальным признаком **страх** перед будущим, которое выражается такими единицами, как *пугает, страх, страшно, боюсь*: «*страх не дает его бросить <...> и начать новую жизнь*», «*почему я боюсь начать новую жизнь?*», «*было страшно начинать все заново*», «*новая жизнь пугает своей неизвестностью*».

Становится ясным описание новой жизни как *стресса* в предложении «*рождение новой жизни – это всегда огромный стресс как для мамы, так и для ребенка*», и это легко объясняется физиологическими особенностями процесса родов, а также тотальным изменением в образе жизни матери и ребенка.

Концептуальный признак **надежда** выражается такими лексемами, как *надежда, мечта*: «*иностранец как мечта о новой жизни*», «*Как начать новую жизнь: истории женщин <...> которые осуществили свои мечты*», «*какое вы можете предложить решение, чтобы дать нам надежду на новую жизнь?*», «*лечение является надеждой на новую жизнь*».

Циклический характер течения жизни, постоянная жажда новизны и необходимость приложения силы воли приводят к усталости субъекта и к последующей **иронии** по отношению к себе и к самому процессу становления новой жизни – человек настолько часто решает начать новую

жизнь, что не верит сам себе. Это выражается в таких единицах, как *уже в который раз, каждый месяц, каждый понедельник (каждый месяц давать себе слово начать новую жизнь, собираться начать новую жизнь каждый понедельник), начать жизнь в понедельник и закончить её в среду*, а также объясняет закреплённые пометы в словарях: *Начинать / начать новую жизнь. Разг. Шутл-ирон.* [Мокиенко, 2007].

Итак, суммируя вышесказанное, новая жизнь для русского человека – перемена в образе жизни субъекта в период, наступающий после прежней жизни, характеризующаяся новизной и имеющая привязку к определенной календарной дате или времени суток и к определенному сценарию: «желание новой жизни», «процесс перехода» и «проживание новой жизни». Образный компонент включает свойственное русскому сознанию представление времени как круга, которое распространяется и на восприятие концепта «новая жизнь», когда за каждым началом следует ожидание следующего. Кругообразность восприятия времени обеспечивает метафорический перенос «новой жизни» из категории времени в поле пространства – «жизнь – дорога», «жизнь – дом». Жажда новизны, также свойственная русскому сознанию, предполагает душевный подъем в начале каждого воспроизведения цикла. И именно новизна в совокупности с признаком цикличности служит основанием для концептуальной метафоры «новая жизнь – новый человек». Наличие в наивной картине мира представлений о новой жизни свидетельствует о наличии атрибутов, описывающих новую жизнь и противопоставляющих её жизни старой.

Начало новой жизни сопровождается ощущением страха и надежды на лучшее будущее. Также в ценностной составляющей заметно противопоставление новой и старой жизни, которая представлена такими концептуальными признаками, как оценка новой жизни и её компонентов, оценка прежней жизни и её компонентов, а также культурный скрипт концепта «новая жизнь». Ирония субъекта по отношению к себе и к способам начать новую жизнь также входят в ценностный компонент концепта «новая жизнь».

II. 3. Индивидуально-авторская речь как сфера функционирования концепта «новая жизнь»

Когнитивная база национальной лингвокультуры вбирает в себя концепты русских художественных произведений. Общенациональный и художественный концепт взаимно дополняют друг друга благодаря тому, что художественный текст как единая система функционирует в рамках национальной языковой картины мира, в которой неизбежно возникает пространство обязательных знаний и представлений, «которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета» [Красных, 1998: 45]. Для выявления особенностей смысловой структуры концепта, компонентов его содержания и их вербализации и для дальнейшего описания концепта необходимо провести сопоставление его общенационального варианта с конкретными реализациями в индивидуально-авторской художественной речи писателей конца XIX-го и XXI-го веков для того, чтобы проследить развитие способов актуализации концепта «новая жизнь» в диахронии.

II. 3. 1. Художественное творчество А. П. Чехова как источник формирования концепта «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре

Для когнитивной базы русской лингвокультуры творчество А. П. Чехова, безусловно, значимо. Для нас важным является тот факт, что его позднее творчество направлено на осмысление предстоящей «новой жизни» – рубеж XIX-XX-го веков характеризуется надеждой на будущее, предчувствием близкого счастья и перемен в жизни. Именно они и определяют мотивы в творчестве позднего А. П. Чехова – общественный подъем, наступивший в стране в девяностые годы, находит своё отражение в произведениях последних лет жизни писателя.

Важно также отметить, что произведения писателя нами были выбраны также и по той причине, что концепт «новая жизнь» находит своё дальнейшее художественное осмысление в творчестве А. И. Слаповского, который вступает в диалог с чеховской художественной традицией.

Нами для комплексного анализа были выбраны три рассказа и две пьесы Чехова, написанные в конце XIX-го века и наиболее полно раскрывающие концепт «новая жизнь». Мы сосредоточимся на анализе структуры и объема концепта «новая жизнь», его наполнении и способах вербализации его содержания.

II. 3. 1. 1. Особенности содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в рассказе А. П. Чехова «В родном углу»

Рассказ начинается с того, что главная героиня Вера Кардина приезжает в свое родовое имение в степи. Именно здесь, в усадьбе, по мнению Веры, и начнется её новая жизнь. В доме живут тётя и дедушка героини. Тётя рассказывает о докторе Нещاپове, которого прочит ей в женихи, но Вере он не нравится. Вере пугает будущее, она не знает, будет ли она счастлива в новой жизни в усадьбе.

Вера живет новой для себя жизнью в родном гнезде, однако со временем её новая жизнь превращается в рутину, которая всё больше её утомляет, и она мечтает уже о новой, совсем другой жизни.

В конце Вера в приступе злости бросается на прислугу, а опомнившись, принимает решение начать новую жизнь, выйдя замуж за Нещاپова.

Сюжет рассказ развивается в два этапа в соответствии с двумя жизненными циклами, которые проживает героиня. И оба эти цикла, дополняя друг друга, в совокупности представляют единый **сценарий** проживания новой жизни:

Виток жизни 1:

Субъектом первого витка жизни Веры выступает не только она, но и жители усадьбы, тетя и дед, так как они тоже оказываются вовлечены в изменения жизни в доме.

Жизнь в усадьбе до появления Веры, **прежняя жизнь**: *«Прежде, бывало, чуть прислуга не угодит или что, как вскочит [дед] и – «Двадцать пять горячих! Розог!» А теперь присмирел и не слышать его»*. Концептуально значимые дискурсивные слова – оппозиция *Прежде...*, *а теперь...*, как показатели противопоставления старой и новой жизни.

Желание новой жизни: не эксплицировано.

Процесс перехода включает в себя только компонент **проба нового**: переезд Веры в усадьбу, *«ей отвели лучшую комнату, снесли туда все ковры, какие только были в доме, поставили много цветов»*.

Проживание новой жизни развивается в два этапа:

Привыкание к новой жизни: *«глядя в даль, думая о своей новой жизни в родном гнезде, она всё хотела понять, что ждет её», «думала, что едва ли здесь она будет счастлива»*.

Уже здесь звучит **мотив стремления к новой жизни**, который со временем станет одним из ведущих в творчестве Чехова.

Проживание новой жизни: *«Вера шла к гостям и играла с ними подолгу в винт или играла на рояле, а гости танцевали»; «гости утомляли её и стесняли»*.

Новая жизнь в усадьбе сопровождается **атрибутами**, которые в совокупности описывают внешние признаки новой жизни, которые соответствуют представлению героев о желаемых благах: **блага, соответствующие новому статусу** (лучшая комната, «все ковры, какие были в доме», много цветов, широкая, очень мягкая постель, шелковое одеяло), **абстрактные атрибуты** (засмеялась от удовольствия), **события** (спектакли, концерты, карты).

Ценностный компонент формируется признаками **надежда**, который формируют такие единицы, как *«чтобы мне здесь было хорошо»*, *«какая*

радость»; страх: «едва ли здесь она будет счастлива», оценка новой жизни: «живем хорошо», «лучше и не нужно».

Виток жизни 2:

Жизнь, ставшая со временем рутиной, пробуждает повторное *стремление субъекта к новой жизни*. Во втором витке спирали жизни субъектом Новой жизни становится уже только Вера, так как именно она решается на изменения.

Жизнь в усадьбе с Верой, *прежняя жизнь, неудовлетворенность прежней жизнью*: «— *Вон отсюда!* – крикнула Вера не своим голосом, вскакивая и дрожа всем телом. – *Гоните её вон, она меня замучила!* <...> *Вон! Розог! Бейте её!*»; лексемы с отрицательной коннотацией, указывающие на рутинность жизни: *по-прежнему, постоянно, всякий раз, снова, опять и опять, почти каждый день, как вчера и всегда;*

Желание новой жизни: сослагательное наклонение в высказываниях с оптативным (желательным) значением, где отражаются мечтания героини, а также по контрасту имплицитно вызываются неудовлетворённость зоны её жизни в настоящем: *«хорошо бы стать механиком, судьёй, командиром парохода, ученым, делать бы что-нибудь такое, на что уходили бы все силы, физические и душевные <...> отдать бы свою жизнь чему-нибудь такому, чтобы быть интересным человеком, нравиться интересным людям, любить, иметь свою настоящую семью».*

Процесс перехода включает в себя такие компоненты, как *решение и план*: «она <...> быстро решила, что начнет *новую жизнь, заставит себя начать*, и это решение успокоило её»; «она решила, что, выйдя замуж, она будет заниматься хозяйством, лечить, учить, будет делать все, что делают другие женщины её круга», замужество. Стремление начать новую жизнь требует усилий, преодоления инерции, и это тяжело, поэтому Вера *заставит себя начать новую жизнь*.

Проживание новой жизни: не вербализовано в тексте. Однако контекст позволяет понять, что новая жизнь ненадолго сохранит свою

новизну, изменения станут рутиной (многокомпонентные ряды однородных членов, называющих действия героини в новой жизни, заканчиваются обобщением, указывающим на обыденность, рутинность будущего: *будет делать все, что делают другие женщины её круга*).

Атрибуты старой жизни указывают на негативное восприятие прежней жизни: *абстрактные атрибуты* (лень, праздность, равнодушие), *события* (танцы, винт, игра на рояле, ужины, гости), *детали быта* (противная постель, серый снег, противные галки, свиньи, которых съел дедушка).

Атрибуты новой жизни не вербализованы из-за отсутствия конкретного образа новой жизни.

Оценка прежней жизни исключительно отрицательная и включает в себя такие единицы, как *злоба, противная, мучительство, тяжелое, злое чувство, тоска, отвращение, досада, .*

Оценка новой жизни не вербализована, однако можно предположить, что новая жизнь, которую вынуждена начать героиня, так же отрицательна. На это указывают лексемы *вынуждена, заставит, «недовольство и собой, и людьми»*.

Название «В родном углу» позволяет нам сместить при анализе фокус с изменений в главной героине на то место, в котором разворачивается действие рассказа. Так, просторная степь, символ новой жизни, противопоставляется «углу», символу несчастной жизни. Новая жизнь, будучи временной категорией, переносится в область пространства, и именно пространственное образное представление Новой жизни как **степи** является композиционно важным для рассказа.

Степь, будучи пространственным представлением Новой жизни, имеет свою границу, овраг, пересечение которого и является символом начала новой жизни (например, при подъезде к усадьбе *«вдруг неожиданно глубокий овраг, поросший молодым дубом и ольхой»*, или во второй раз – *«в полдень проезжал через овраг в усадьбу доктор Нецапов. Она видела его и быстро решила, что начнет новую жизнь»*).

Метафора **«Новая жизнь – степь»** выражается такими единицами, как *степь, просторно, свободно, безграничная, равнодушная, как вечность, курганы, поле, даль, «а на душе покойно, сладко, согласилась бы всю жизнь ехать так и смотреть на степь»*.

Отметим также, что степь как символ новой жизни присутствует в ряде и других произведений Чехова: «Степь», «Счастье», «Казак», «Красавицы», «Печенег» и др.

Веру пугает будущее, каждый раз на пороге новой жизни она не знает, сделает ли её новая жизнь счастливой, но она тем не менее смело вступает в неё. Начало новой жизни каждый раз связано с категорией **счастья**. Вынужденное повторное вхождение в новую жизнь не сулит его субъекту. Так, входя в новую жизнь в первый раз, героиня отмечает, что *«этот простор, это красивое спокойствие степи говорили ей, что счастье близко и уже, пожалуй, есть»*. Начиная новую жизнь во второй раз, героиня решает, что *«счастье и правда существуют где-то вне жизни»*.

II. 3. 1. 2. Особенности содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в рассказе А. П. Чехова «Новая дача»

Исходной точкой сюжета рассказа «Новая дача» является эпизод, в котором инженер Кучеров селится с женой и дочкой недалеко от деревни Обручаново. Усадьба, которую строят для семьи, называется Новая дача.

С самого начала общение Кучеровых с жителями деревни строится на взаимном непонимании, со временем оно перерастает в постоянный и неразрешимый конфликт.

В итоге Кучеровы продают усадьбу и уезжают в Москву.

Семья Кучеровых переезжает в Новую дачу из Москвы. **Сценарный** компонент Новой жизни ограничивается описанием процесса перехода семьи Кучеровых в новую жизнь: *«к инженеру Кучерову приехала его жена», «ей понравились берега роки и роскошный вид на зеленую долину с деревушками», «она стала просить мужа, чтобы он купил небольшой участок земли и*

выстроил здесь дачу», «купили двадцать десятин земли и <...> построили красивый двухэтажный дом», однако из контекста мы узнаем, что переезду и строительству дома предшествует **прежняя жизнь**, неудовлетворенность которой и стала причиной перехода в новую жизнь. Для инженера Кучерова и его семьи в усадьбе начинается новая жизнь.

Рассказ охватывает **период, наступивший после переезда** семьи Кучеровых. Этот период характеризуется **новизной**: *новая усадьба, новая дача, новое имение, новые колеса*.

Основной перенос временной категории в категорию пространства позволяет представить Новую жизнь не в виде спирали, по которой движется субъект во времени, как по дороге, а как сосуществующие в едином времени **пространства** *Прежней и Новой жизни*, между которыми проходит условная граница в виде реки, через которую и строится в рассказе мост, и дает возможность сюжету сосредоточиться на их сопоставлении.

Название «Новая дача» также концептуально – **новая дача** предстает как пространство Новой жизни. Именно представление Новой жизни как дачи связано с описанием новой жизни как **дома** и с созидательной метафорой *построить новую жизнь* – строительство новой дачи и становится первым шагом в начале новой жизни: *«построили красивый двухэтажный дом <...> и уже было название у этой усадьбы: Новая дача»*.

Усадьба Кучеровых контрастирует с деревней Обручаново, возникает противопоставление двух миров, эта антитеза распространяется и на другие концептообразующие компоненты рассказа – не только описание самого пространства деревни и усадьбы, но и описание их жителей, а также действий и их отношения друг к другу.

Ключевое слово в описании деревни Обручаново как символа старой жизни – **неблагополучие**, этот признак включает в себя такие лексемы, как **бедность** – *нищие-разнищие, везде дети, куча детей, множество детей, конца-краю не видать; угнетенность* – *тесно, жарко, неладно, тяжело, беспокойство; грешность* – *пьянство, лба перекрестить некогда, грехов много от бедности; конфликтность* – *«Мама, уедем отсюда!», драка*.

При описании жителей деревни и их образа жизни упоминаются и такие **атрибуты**, как *безобразная телега, коричневая [от грязи] лысина, опухшие лица, кучи мусора, кабак, объединённые общей семой некрасивость.*

Жители деревни Обручаново как представители старой жизни имеют **отрицательную оценку**, их описание включает в себя такие маркированные единицы, описывающие внешность жителей – *полная старуха, некрасивая баба, грязь*; и их внутренний мир – *глупый, дурак, пьяница; ирод собачий, сатана бесхвостая.*

Деревне Обручаново как воплощению старой жизни противостоит Новая дача, новая жизнь, и она предстает как воплощение **достатка и богатства**. Образное представление Новой дачи включает в себя наличие определенных материальных **атрибутов**: *красивый двухэтажный дом с террасой, с балконами, с башней и со шпилем, по воскресеньям взвивался флаг, большие деревня, аллеи, садовник, фонтанчик, белые, как снег, стройные, сытые лошади («чистые лебеди»), золотые голуби, бенгальские огни и ракеты по вечерам, лодка с красными фонариками, маленькие пони, фейерверки, нарядная жена.*

Жители Новой дачи, напротив, имеют **положительную оценку**, они *богатые, стараются жить в мире и согласии; помогают крестьянам, как могут; относятся ко всем по-человечески, живут не бедно; Кучеров полный, плечистый, бородатый мужчина, голос у него мягкий, убедительный, взгляд не суровый; Жена добрая, жалостливая, любит помогать бедным; добрая, сердечная женщина, не отказывает в помощи, молодая, хороша собой.*

Концептуальный признак надежда выражается в монологе жены Кучерова в большей степени в форме сослагательного наклонения со значением намерения: *я могла бы прожить тут всю жизнь, и мне кажется, здесь бы я выздоровела и нашла свое место.*

При описании ключевых для рассказа локусов необходимо упоминание **моста**, ведь именно строительство нового моста порождает антитезу «старая жизнь» – «новая жизнь».

Именно нежелание выходить за рамки старой, привычной жизни и отличает жителей Обручанова, которые отчаянно держатся за старый уклад, от инженера и его семьи, которые хотят построить новую жизнь: Инженер Кучеров приезжает строить мост, однако жители этим недовольны: «– *Жили мы без моста, не просили, зачем нам мост? Не желаем!*», «– *Нам ездить некуда, на что нам мост? Нужно, так и на лодке переплывем*», «– *Жили без моста... Жили мы без моста и не просили...и не надо нам*». И даже после того, как мост отстроили, жители деревни продолжают переплывать реку по старинке: «*староста и Колодка переплыли на лодке реку и отправились на ту сторону в село Кряково*». На этом и на других примерах реализуется концептуальный признак **непонимание**, основной номинацией которого выступает единица *возненавидел*.

II. 3. 1. 3. Особенности содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в рассказе А. П. Чехова «Невеста»

Герой в позднем творчестве Чехова – **активный субъект**, творящий свою новую жизнь, способный на решительный шаг: «если прежде его положительные типы в подавленном и беспомощном недоумении стояли перед пустотой и пошлостью нашего обывательского прозябания, то теперь они активно ищут отсюда выход» [Гельрот, 1903: 31].

Название «Невеста» ставит в центр повествования Надю, активного **субъекта**, который начинает новую жизнь. Важно, что заглавием стало не имя героини, а её роль невесты. Невеста – «девушка или женщина, вступающая в брак» [Ожегов, 1997]. Невеста покидает родной дом и уходит в другую, новую семью. Важно учитывать, что свадьба в русской культуре – это обряд перехода, граница между старой и новой жизнью, и связанное с этим обрядом название в данном случае концептуально значимо: невеста – это девушка на пороге «новой жизни», в рассказе **по сценарию новой жизни** она *переходит* из старой жизни в новую, но не через свадебный обряд, а через *переезд* и последующую смену жизненной парадигмы.

События в рассказе представляют частичный **сценарий** перехода в новую жизнь. Описание **прежней жизни** представляет собой описание атрибутов старой жизни, людей в ней и её оценки субъектом:

Представление о старой жизни формируется благодаря **атрибутам**, которые окружают Надю: ***детали быта** – лохмотья, клопы, тараканы, нагая дама с вазой на картине; абстрактные атрибуты – лень, безделье, грязь, вонь.*

Также важна отрицательная **оценка** окружавших героиню в старой жизни людей – мамы, бабушки, Андрея Андрейча и его отца, – именно через их характеристику формируется ценностное фоновое представление Нади о старой жизни. Концептуально значимо описание родных после появления антитезы «старая – новая жизнь», так как в контексте противопоставления старой и новой жизни оно меняется – представители старой жизни имеют **негативную оценку**: *мама заплаканная, простая, обыкновенная, несчастная женщина, казалась старше, некрасивее, меньше ростом, «Наде вспомнилось, как еще недавно она считала свою мать необыкновенной», умная и несчастная, «постарела и подурнела, как-то осунулась вся»; бабушка очень полная, некрасивая, с густыми бровями и с усиками, «говорила громко, и уже по её голосу и манере говорить было заметно, что она здесь старшая в доме»; Андрей Андрейч неумен и глуп; о. Андрей худощавый, беззубый.*

Их характеристика вскрывает глубокое различие между героем нового типа, Надей, и представителями старой жизни: Надя – активный герой, которому дается право осуществить переход в новую жизнь, в то время как все её родные не выходят из круга жизни, не двигаются вперед, они пассивны и не имеют права на новую жизнь.

К описанию неудовлетворенности прежней жизнью относятся и лексемы с **отрицательной коннотацией**, указывающие на рутинность жизни: *по-прежнему, всё ещё, «то же самое, что было двадцать лет назад», никакой перемены, часы идут медленно, никто ничего не делает, давно надоело, «вы бы придумали что-нибудь поновее», «а мысли все те же, что и в прошлую ночь, однообразные, ненужные, неотвязчивые».*

Старая жизнь – колея: мама Нади в начале *«сильно затянутая, в рinсе-pez и с бриллиантами на каждом пальце»*, у неё *«блестели бриллианты на пальцах»*, в конце рассказа она *«сильно постарела и подурнела, как-то осунулась вся, но всё еще по-прежнему была затянута, и бриллианты блестели у нее на пальцах»*. Андрей Андреич *«по обыкновению долго играл на скрипке»*, и это единственное, чем он занимается в жизни: *«он десять лет назад кончил в университете по филологическому факультету, но нигде не служил, определенного дела не имел и лишь изредка принимал участие в концертах с благотворительною целью; и в городе называли его артистом»*. И он сам признается Наде, что *ничего не делает и не может делать*. Все высказывания Андрея Андреича – будто заученные слова из заброшенных старых романов, в нем самом нет движения мысли. Но в старой жизни не меняется не только он – даже звуки сторожа в саду, которые мы дважды слышим в начале рассказа, повторяются в конце, показывая нам, что дома все остается таким, как прежде: *«Тик-ток, тик-ток... – лениво стучал сторож. – Тик-ток...»*, *«Тик-ток... – стучал сторож где-то далеко. – Тик-ток... тик-ток...»*, *«Тик-ток... – стучал сторож. – Тик-ток, тик-ток...»*.

Люди в старой жизни не выходят из рутины, в которой постоянно находятся, это героиня рассматривает как проявление **пошлости**, которая неотделима от людей, которые окружают её, и от которых она бежит: *«зачем ты говоришь пошлости»*, *«а она видела во всем одну только пошлость, глупую, наивную, невыносимую пошлость»*.

В данном контексте становится понятной фигура Саши, который является проводником Нади в новую жизнь. Несмотря на то, что он кажется представителем новой жизни, он, несомненно, остается частью старой жизни: каждый год, приезжая домой, он высказывает одни и те же претензии по поводу грязи, вони, клопов и тараканов (*«Надя слышала это и в прошлом году и, кажется, в позапрошлом»*, *«Саша уже несколько лет подряд говорит всё одно и то же, как по-писанному»*), однако свою жизнь в городе он выстраивает так же неряшливо: *«на столе возле остывшего самовара лежала разбитая тарелка с темной бумажкой, и на столе и на полу было*

множество мертвых мух», «жил как придется, с полным презрением к удобствам». И в целом вся его жизнь – та же колея, с которой он не хочет сходить: увидев Сашу, Надя замечает, что он «все такой же, как и прошлым летом», «все в том же сюртуке», «все с теми же <...> глазами». И даже перевернутая им чужая жизнь оказывается частью **рутины**, Надя не единственный человек, чью жизнь перевернул Саша – мы узнаем, что он хочет перевернуть еще одну жизнь.

Саша – «блудный сын», который возвращается домой каждый год и не выходит из **колеи**, по которой движется всю жизнь.

Все вышеперечисленное относится к описанию прежней жизни, неудовлетворенность которой приводит Надю к **желанию начать новую жизнь**: «как я могла жить здесь раньше, не понимаю, не постигаю!», «я презираю», «жизнь опостылела». Дискурсивное слово *раньше* и лексема *завтра*, формируют оппозицию старой и новой жизни, необходимую для осуществления перехода.

Процесс перехода развивается в два этапа, описание первого шага на пути к новой жизни ограничивается представлением **плана** переезда: «завтра же я уеду отсюда», «поедете на вокзал <...> проводите меня до Москвы, а там вы одни поедете в Петербург» и **осуществлением плана**. Второй компонент процесса перехода захватывает и последнее посещение Надей родного дома. Долгая болезнь, а потом и смерть Саши как представителя старой жизни ознаменовала окончательный разрыв Нади с прошлым и со старой жизнью, так как он – единственная ниточка, которая связывала её со старой жизнью.

Важно, что Надя не стремится к конкретной новой жизни, поэтому конкретного образа, как и сценария новой жизни, в голове у неё нет. Представление о новой жизни достаточно расплывчатое, она изображена только с точки зрения Саши, который рисует ту реальность, ту новую жизнь, к которой и стремится Надя. И именно анализ этого изображения позволяет составить образ новой жизни и её **атрибутов**: *громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди*.

В рассказе присутствует образное представление новой жизни как свободного **поля**, вольного широкого пространства, в котором обязательно начнется новая жизнь: *«ей рисовалась жизнь новая, **широкая, просторная**, и эта жизнь, еще неясная, полная тайн, увлекала и манила её*», *«перед нею открывается нечто новое и широкое, чего она раньше не знала*», *«разворачивалось громадное, широкое будущее*». И представление **«Новая жизнь – степь»** – поле, противопоставляется старой жизни – узкому низкому дому, ненужному *серому забору*, которые уже *состарились и отжили свое*.

Поэтому ценная характеристика новой жизни Надеи включает в себя ощущение **свободы**, это и есть ключевое различие между старой и новой жизнью: *«сознавать себя правым, быть веселым, свободным»*.

Представление Саши о новой жизни также формирует **оценочное описание новой жизни**, которая дается в контрасте с **оценочным представлением старой жизни**: старая жизнь *безнравственная, неподвижная, серая, грешная, нечистая, грязная*, в то время как новая жизнь тракуется только положительно – она *интересная, чудесная, прекрасная*, вызывает *радость и восторг*.

Ценностный компонент *Новой жизни* формируется к тому же благодаря **эмоциональной оценке субъекта**: *«В мае после экзаменов она, здоровая, веселая, поехала домой*», *довольная, живая*.

II. 3. 1. 4. Особенности содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в драме А. П. Чехова «Три сестры»

Действие пьесы разворачивается в доме Прозоровых, в центре пьесы оказываются три сестры – Ольга, Маша, Ирина, а также их брат и вхожие в дом люди. Пьеса описывает три года из жизни сестер, в течение всего повествования все действующие лица ожидают перемен, однако ни один из героев не осуществляет их в должной мере.

Название пьесы ставит в центр внимания трех героинь – **субъектов**, готовых творить новую жизнь. Субъектами в пьесе становятся три сестры – Ольга, Маша, Ирина, а также их брат Андрей.

В русской культуре переход субъекта в Новую жизнь осуществляется двумя способами: активно и пассивно. Чехов дает право на новую жизнь только активным героям, однако в драме ни одного активного субъекта нет. В пьесе не происходит перехода из прежней жизни в новую, поэтому понятийный компонент не находит в ней бóльшей реализации, чем наличие субъекта. Образная и ценностная составляющая формируют концепт в пьесе – так, сценарные компоненты переходят из разряда понятийной составляющей в категорию атрибутов, из которых может сложиться новая жизнь.

Переход в новую жизнь включает в себя несколько разных атрибутов: это ***работа***: «лучше быть простою лошадыю, только бы работать», ***замужество***: «мне кажется, если бы я вышла замуж и целый день сидела дома, то это было бы лучше», но воплощение всех вариантов новой жизни возможно только при **переезде** в Москву: «уехать в Москву», «скорее в Москву», «я посидел бы теперь в Москве», «Москва снится каждую ночь», «если бы я была в Москве», «В Москву!». Характерное для Чехова противопоставление провинции и центра сохраняется и здесь, однако в данном случае оно обеспечивает образный концептуальный признак «**Новая жизнь – Москва**». Лексема *Москва* встречается в рассказе 44 раза.

Именно абстрактный атрибут **работа** и становится центральным при переходе в новую жизнь, однако ни один из героев не оказывается готовым к ней:

Ольга воспринимает работу как необходимость. Отношение Ольги к труду отрицательное и сводится к описанию усталости от жизни: «как я устала», *постоянно болит голова*, «из меня выходят каждый день по каплям и силы, и молодость».

В репликах сестры Маши тема работы вообще отсутствует.

Ирина – единственная, кто воспринимает работу как единственный путь к счастью в новой жизни: *«Человек должен трудиться, работать в поте лица», «В жаркую погоду так иногда хочется пить, как мне захотелось работать»*. Однако её стремление к работе ограничивается разговорами – в третьем действии она меняет свою точку зрения и оказывается неспособной к действиям, к новой жизни: *«Не могу я работать, не стану работать», «никакого удовлетворения», «служу в городской управе и ненавижу, презираю все, что только мне дают делать»*.

Может показаться, что Чехов дает Ирине шанс начать новую жизнь: *«Завтра и поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь отдам тем, кому она, быть может, нужна»*. Она готова к главному компоненту начала новой жизни – **переезду**. Но можно предположить, что Ирина останется работать на телеграфе – концептуально значимая лексема *завтра* указывает на то, что стремление начать новую жизнь так и останется на этапе **желание новой жизни**. Жизнь не меняется ни у одной из сестер.

С ценностным компонентом связан концептуальный признак **надежда**: в начале пьесы Андрея описывают как *умного, образованного*, на него возлагаются большие надежды – *«должно быть, будет профессором», «все равно не станет жить здесь»* [в губернском городе], *«Он у нас и ученый, и на скрипке играет, и выпиливает разные штучки, одним словом, мастер на все руки», «у него вкус есть», читает по-английски*. Однако праздная жизнь и неспособность к действию так и оставляет его новую жизнь где-то в несбыточных мечтах о будущем, и **отношение к нему** с положительного меняется на отрицательное: *«как измелечал наш Андрей», «выдохся и постарел, «заложил он этот дом в банке, и все деньги забрала его жена», «долги – тридцать пять тысяч», «проиграл вчера в карты двести рублей»*.

Ценностный компонент также связывается с категорией **счастья** – новая жизнь реализуется в абстрактном будущем и обязательно будет счастливой: *«через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной», «через двести-триста, наконец, тысячу лет, – дело не в сроке, – настанет новая, счастливая жизнь»*. Однако герои не

видят в этой новой жизни себя: *«участвовать в этой жизни мы не будем, конечно»*.

Таким образом, новая жизнь в пьесе предполагает наличие **активного субъекта**, неудовлетворенного своей жизнью и способного на работу. Однако отсутствие такого субъекта приводит к тому, что ни один из героев не оказывается способным начать новую жизнь. Однако у каждого из них есть представление о новой жизни, главным атрибутом которой становится работа или замужество. Сформированное представление о новой жизни включает в себя также такой сценарный компонент, как переезд. Однако отсутствие сил на переход в новую жизнь в совокупности с привязкой понятия новая жизнь к конкретному городу, Москве, приводит к тому, что переезд становится абстрактным образом, одним из атрибутов новой жизни.

Ценностная составляющая выражается в концептуальном признаке надежда, нереализация которого обуславливает перемену в отношении к субъекту (не)перехода в новую жизнь. Категория счастья, присущая новой жизни, также не находит реализации у субъектов пьесы – новая жизнь не обретает явных очертаний; общий для русской культуры поэтапный процесс перехода в новую жизнь не реализуется даже на первом этапе формирования желания начать новую жизнь.

II. 3. 1. 5. Особенности содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в комедии А. П. Чехова «Вишневый сад»

Сюжет выстраивается вокруг родового имения, вишневого сада. Помещица Любовь Андреевна Раневская возвращается из Франции со своей дочерью. Денег у Раневской почти нет, поэтому скорее всего имение придется продать. Купец Лопухин предлагает план спасения имения: разбить землю на участки и отдавать их в аренду дачникам. Раневская не понимает, как можно вырубить вишневый сад и отдать имение, где она родилась, выросла, где погиб её сын. На протяжении всей пьесы Лопухин продолжает настаивать на том, что его план – единственно верный, но его никто не воспринимает

всерьез: Гаев носится со своими проектами, а Раневская совсем ни о чем не думает. В конце концов Лопахин покупает вишневый сад. Но никакой серьезной драмы это событие не несет. В финальном действии все уезжают из имения, оставив в нем старого лакея Фирса.

В отличие от пьесы «Три сестры», где никому не суждено начать новую жизнь, «Вишневый сад» предполагает активного субъекта, который не боится её начать. Им становится Аня, взгляд которой направлен на будущее: *«Начинается новая жизнь, мама»*.

Аня напоминает Надю из рассказа «Невеста» – она тоже начинают новую жизнь благодаря проводнику в образе Пети Трофимова – он, будучи проводником в «новую, светлую жизнь», сам, как и Саша, не становится человеком новой жизни – он «вечный студент», несамостоятельный герой, которому свойственно только мечтать о новой жизни, но не начинать её: *«уже два раза увольняли из университета», «неужели вы все ещё студент», «буду вечным студентом»*. В сопоставление пьес «Вишневый сад» – «Невеста» вписывается и мотив близости **счастья**: обе пары героев чувствуют близость времен, когда *«все изменится точно по волшебству»*.

Фигура активного субъекта видна при сопоставлении с героями старой жизни, которые живут одними воспоминаниями и не совершают перехода, – Раневская, Гаев, Симеонов-Пищик и прислуга, «отражение господ». Для Раневской, Гаева и Пищика счастье связано с прошлым, уже давно умершим (по приезду в усадьбу Раневская узнает о том, что умерли няня и Анастасий). Для Раневской и Гаева вишневый сад связан с воспоминаниями о молодости: *«О, мое детство, чистота моя! В этой детской я спала, глядела отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мною каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось», «О мой милый, мой нежный, прекрасный сад!.. Моя жизнь, моя молодость, счастье мое»*.

Сад в творчестве Чехова – отражение человеческой жизни, его образ мы встречаем и в других произведениях – например, в рассказе «Невеста». Для Лопахина сад – настоящая жизнь, в которую он несет разрушения – на месте

сада он хочет построить дома для дачников, поэтому ему не дается шанс на начало новой жизни.

Для Пети и Ани образ **сад** – воплощение образа России будущего: «*Мы насадим новый сад, роскошнее этого*», однако если для Ани сад становится образом *новой жизни*, в которую она вступает, для Пети сценарий новой жизни реализуется только до этапа желания новой жизни и остается образом недостижимой мечты.

II. 3. 1. 6. Особенности содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в творчестве А. П. Чехова

В позднем творчестве Чехова концепт «новая жизнь» реализуется на фоне общенационального подъема. Проанализированные произведения отражают разные компоненты концепта, и их совокупность дает возможность описать его в полной мере.

В центре понятийного компонента стоит фигура **активного субъекта**, именно его наличие делает возможным реализацию сценария «новой жизни»: так, в рассказе «В родном углу» новую жизнь начинает Вера, в рассказе «Новая дача» субъектами новой жизни выступает семья Кучеровых, в рассказе «Невеста» в новую жизнь переходит Надя, а в «Вишневом саде» – Аня. Однако в пьесе «Три сестры» такой герой не находится, даже Ирина, младшая из сестер, откладывает процесс перехода из старой жизни в новую на *завтра* и переводит новую жизнь из категории реального пространства в будущее в категорию ирреального.

Сценарная зона «новой жизни» включает в себя ряд шагов:

5. Негативная оценка прежней жизни, которая такие единицы, как *тяжело, безнравственная, грешная, тоска, злоба, грязь, пошлость, некрасивый, глупый, нищета, пьянство, противная, тяжелое, злое чувство, мучительство, тоска, отвращение, досада* и др., с общими семами **бедность, угнетенность, грешность, конфликтность**; а также ряд **атрибутов** как *абстрактных* (*лень, праздность, равнодушие*), так и

материальных: детали быта (противная постель, серый снег, противные галки, свиньи, которых съел дедушка), события (контекстные лексемы танцы, винт, игра на рояле, ужины, гости). Также прежнюю жизнь характеризуют единицы, описывающие окружающих субъекта в старой жизни людей: *некрасивая, полная, худощавый, глупый, дурак, пьяница, беззубый, возненавидел новую усадьбу, заплаканная, несчастная;* на *неудовлетворенность* прежней жизнью указывают и лексемы, указывающие на рутинность жизни: *по-прежнему, постоянно, всякий раз, снова, опять и опять, почти каждый день, как вчера и всегда, всё ещё, «то же самое, что было двадцать лет назад», никакой перемены, часы идут медленно, никто ничего не делает, давно надоело, «вы бы придумали что-нибудь поновее», «а мысли все те же, что и в прошлую ночь, однообразные, ненужные, неотвязчивые»;*

6. **Желание новой жизни**, которое часто выражается сослагательным наклонением с оптативным значением, детальным образным описанием новой жизни и других компонентов, пробуждающих желание покончить со старой жизнью в пользу будущего, а также дискурсивными лексемами *раньше – завтра или теперь;*

7. **Процесс перехода в новую жизнь**, который состоит из нескольких компонентов – решение (*«она <...> быстро решила, что начнет **новую жизнь**, заставит себя начать, и это решение успокоило её»*), план, осуществление плана, проба нового. Собственно этап перехода включает некоторые атрибуты перехода из старой жизни в новую: **переезд** или **замужество**. Необходимость прикладывать усилия, важность борьбы и труда – необходимые условия для начала новой жизни;

8. **Проживание новой жизни** не всегда реализовано в тексте, однако оно включает в себя реализацию в новой жизни тех образов, которые представляет себе герой, и обычно актуализируются в два этапа: ***привыкание к новой жизни** и собственно **проживание новой жизни.***

Метафора «**новая жизнь – Москва**» реализует оппозицию провинции и столицы и обусловлена представлением Москвы как центра, где возможно воплощение любого варианта новой жизни.

Пространственное представление новой жизни порождает также метафору «**новая жизнь – степь**», при которой *степь* или вариант *поле* становятся воплощением *простора, широты и свободы* в противовес старой жизни, которая зачастую воплощается в виде *угла, низенького дома* или *серого забора, которые уже состарились и отжили свое*.

Атрибуты новой жизни рисуют единый образ новой жизни, состоящий из таких компонентов, как **материальные блага нового статуса** (*лучшая комната, «все ковры, какие были в доме», много цветов, широкая, очень мягкая постель, шелковое одеяло*), **абстрактные атрибуты** (*засмеялась от удовольствия, достаток, богатство, работа, свобода*), и **события** (*спектакли, концерты, карты*).

Признак **новизна** реализуется описанием атрибутов новой жизни – *новая усадьба, новая дача, новое имение, новые колеса*.

Однако перенос временного концепта «новая жизнь» в категорию пространства дает возможность более отчетливо представить себе атрибуты в представлении новой жизни как **дома**: *красивый двухэтажный дом с террасой, с балконами, с башней и со шпилем, по воскресеньям взвивался флаг, большие деревня, аллеи, садовник, фонтанчик, белые, как снег, стройные, сытые лошади («чистые лебеди»), золотые голуби, бенгальские огни и ракеты по вечерам, лодка с красными фонариками, маленькие пони, фейерверки, нарядная жена, громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди*.

Однако образ новой жизни не всегда отчетлив, зачастую представление субъекта о ней ограничивается размытыми представлениями о свободе и **эмоциональной оценке** субъекта в условиях новой жизни: *веселая, здоровая, радостная, добрая и др.*, а также в **эмоциональной оценке** самой жизни: *интересная, чудесная, прекрасная, «живем хорошо», «лучше и не нужно», она вызывает радость и восторг*.

Новая жизнь связана с мотивом близости **счастья**, и, будучи временной категорией, включает в себя противопоставление категорий прошлого и будущего. С мотивом счастья связан ценностный признак **надежда**, проявляющийся в таких единицах, как *«чтобы мне здесь было хорошо»*, *«какая радость»*, *«должно быть, будет профессором»*, *«не станет жить здесь»* и в форме сослагательного наклонения со значением намерения: *я могла бы прожить тут всю жизнь, и мне кажется, здесь бы я выздоровела и нашла свое место.*

С мотивом счастья также связан признак **страх**: процесс перехода в новую жизнь, если он включает в себя кардинальные изменения, пугает субъекта, так как будущее относится к категории неизведанное: *«едва ли здесь она будет счастлива»*.

II. 3. 2. Сопоставление особенностей содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре и в творчестве А. П. Чехова

Нами были выявлены особенности структуры и способы вербализации компонентов концепта «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре и в творчестве А. П. Чехова. При сравнении результатов можно заметить, что данные анализа не вполне совпадают, но взаимно дополняют и расширяют концепт.

Понятийный компонент концепта «новая жизнь» общенационального поля выражен достаточно четко и связан по большому счету с **переменами в образе жизни** субъекта — в центр понятийной составляющей концепта становятся перемены в жизненном укладе в **период после прежней жизни**, и **новизна**, сопровождающая новую жизнь.

В проанализированных материалах не совпадает восприятие фигуры субъекта новой жизни: **субъект** новой жизни в современной лингвокультуре может осуществлять переход активно и пассивно, в зависимости от позиции, которую он занимает, — оба способа осуществления новой жизни имеют

право на существование. А. П. Чехов оставляет право на новую жизнь только активному субъекту – только он способен реализовать сценарий новой жизни.

По данным анализа творчества А. П. Чехова в центр понятийного компонента концепта ставится сценарная реализация концепта – художественные особенности жанра подразумевают динамичное развитие сюжета. К сценарию «новой жизни» прибавляется описание концепта **негативная оценка прежней жизни**, разочарование в которой и реализует стремление субъекта к новой жизни.

В реализацию сценарного компонента **желание новой жизни** художественные тексты Чехова вносят возможность реализации намерения не только лексемами, но и сослагательным наклонением с значением желания, детальным описанием новой жизни и дискурсивными лексемами *раньше – теперь* (*оппозиция раньше – завтра не реализуется в форме новой жизни*).

Образный компонент концепта на общенациональном фоне представляет собой совокупность абстрактных изображений на основании метафорического переноса наивных представлений о мире. Временное представление жизни как спирали сделало возможным представление новой жизни как сценария, который можно реализовывать несколько раз.

Пространственное представление Чеховым новой жизни привело к расширению возможностей описания «новой жизни» как конкретного места – к принадлежащим общенациональному фону представлениям **«новая жизнь – это дом»** прибавились представления о новой жизни – Москве, новой дачи или степи, сада.

В центр образного описания концепта у Чехова ставится наличие определенных атрибутов. На материале анализа рассказов и пьес удалось конкретизировать и расширить описание атрибутов новой жизни – к общеизвестным группам **здоровый образ жизни, блага более высокого статуса, переезд и абстрактные атрибуты** прибавилась группа атрибутов **события**. Единицы, описывающие атрибуты новой жизни, также расширились и позволили детализировать образ новой жизни.

Противопоставление атрибутов новой и прежней жизни, благодаря А. П. Чехову, нашли реализацию в бóльшей мере в описании материальных атрибутов прежней жизни – *противные галки, тараканы, клопы, грязь* и т.п.

Ценностный компонент концепта не сохраняет в творчестве Чехова общенациональную амбивалентность концептуального признака **оценки прежней и новой жизни** в зависимости от того, начинает субъект новую жизнь по своей воле или нет. Новая жизнь трактуется строго положительно и всегда однозначно. Признаки **надежда и страх** также находят реализацию и расширяются в рассказах Чехова – признак **надежда** расширяется благодаря мотиву близости счастья.

II. 4. Особенности содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в художественной речи сегодняшнего дня (на примере рассказа А. И. Слаповского «Новая жизнь»).

Нами был проведен анализ текста рассказа А. И. Слаповского «Новая жизнь», по результатам которого были выявлены структурно-смысловые и вербальные особенности актуализации концепта «новая жизнь» в рассказе А. И. Слаповского «Новая жизнь».

Название рассказа уже концептуально значимо: словосочетание, которое стоит в сильной позиции рассказа, уже формирует представление о том, на что именно направлено повествование.

Рассказ «Новая жизнь» описывает три года из жизни Владимира Песцова – период, за который он несколько раз начинает новую жизнь. При анализе нами были выделены три жизненных **витка спирали новой жизни**, которые развивались в соответствии с частичной реализацией единого сценария.

Виток жизни 1:

Сценарная зона понятийного компонента новой жизни в первом круге ограничивается детальным описанием процесса перехода и частичного описания предшествующего желания новой жизни.

Желание новой жизни: намерение (*хочет купить квартиру*), сослагательное наклонение с оптативным значением (*«если бы я к вам переехал, работы нашел бы?»*).

Переход в новую жизнь: подготовка (*жил, <...> оберегая свою тайну; частью перевел на карточки, частью снял наличными те деньги, что он копил и сберегал, оформил увольнение, организовал для коллег прощальный фуршет*), **переезд** (*приехал в небольшой приволжский город*), **разрыв с прошлым** (*собрал в чемодан свои вещи, заехал на свалку и выкинул чемодан подальше в мусорные кучи, купил необходимые мелочи <...> принял душ, оделся во все новое, а то, в чем был до этого, завернул в кусок обоев и вынес в мусоропровод, развод*), **попытка новой жизни – обустройство быта** (*ездил на машине, только что здесь купленной; только что построенный дом, хочет купить квартиру, и вот Песцов среди голых стен*).

Проживание новой жизни включает в себя концептуальный признак **образ жизни**, который подразумевает новый установившийся порядок в жизни субъекта: *он спокойно работал и спокойно жил <...> после ужина выходил на лоджию, садился в кресло за плетеный столик, пил чай; замена старых привычек новыми* (*перестал смотреть телевизор, изредка посмотреть телевизор, взялся читать <...> Чехова; смотрел на Волгу и почитывал Чехова*).

Признак **перемена** выражен такими единицами, как *резко, изменить, даже внешность изменил* (*отрастил небольшие усы и аккуратную бородку*).

Понятийный компонент не ограничивается описанием сценария новой жизни. Концептуальный признак **период, наступающий после прежней жизни** реализуется во фразеологизме *с чистого листа: хочу с чистого листа*. Здесь же актуализируется признак **новизна**: *ничего старого, все новое, [машина] абсолютно новая, оделся во все новое, новоселье, новая прелесть*.

Концептуальная метафора **строить новую жизнь** связана с **образом дома**, с осмотра которого и начинается процесс перехода в новую жизнь – новая жизнь становится объектом в руках субъекта, который неслучайно является инспектором архитектурного надзора.

Образный компонент формируется из описания **атрибутов** новой жизни: **материальные атрибуты** (*деревянные жалюзи теплого орехового оттенка; белая, чистая, мягкая постель*), **абстрактные атрибуты** (*мягкая улыбка, улыбался*).

Образы *новорожденного* и *Адама* (*Он казался себе новорожденным <...> который исчез из одной жизни, чтобы появиться в другой – голым, как Адам*) в рассказе обеспечивает объединение метафор *Новая жизнь – это новый человек* и *вдохнуть новую жизнь* в сугубо религиозном контексте. Слияние двух метафор в одном контексте усиливает ощущение того, что герой находится в самом начале пути, по которому ему придется пройти.

Прием ретроспекции помогает восстановить **оценку прежней жизни**. Эмоциональное состояние недовольства всех участников прежней жизни выражается такими единицами, как *наконец забеспокоилась, жена его не поняла, взволнованно, я тебя предупреждала!, недовольное злорадство, я свое отбыла, помучается, терпела, раздраженно, разбитая, выносить невозможно, заплакала, закричала, раздраженно;* а также сослагательным наклонением с прагматическим значением и концептуально значимой оппозицией лексем *раньше – сейчас*: *раньше он ушел бы, хлопнув дверью, с криком, возникла бы ссора, он попенял бы ей, раздражился бы, я бы с ума сошла – «сейчас – ничего подобного».*

Ценностный компонент концепта «новая жизнь» выражен концептуальным признаком **оценка новой жизни** и выражается лексемами, зачастую коннотативно окрашенными только при сопоставлении со старой жизнью: *любимая своя квартира, где были такая чистота, порядок и уют, каких никогда не водилось ни в первой, ни во второй семье; недорого, качественно, просто, стильно, никаких излишеств; [после посещения прежних семей, возвращаясь домой] *приятное нетерпение, весь счастливый, чистая совесть, удовольствие, одиночество.* Большинство лексем, описывающих новую жизнь, контекстуально имеет положительную коннотацию, несмотря на то, что оценка противоречит характерным для русской лингвокультуры представлениям. Так, одиночество в русской*

лингвокультуре характеризуется отрицательно, в то время как в контексте начала новой жизни героя одиночество рассматривается с положительной точки зрения.

Виток жизни 2.

Описание **прежней жизни** включает в себя *окрашенную лексику*, лексемы с отрицательной коннотацией: *испортилось настроение, долго и нудно упрекал её, швырнул, крикнул, остервенился, все пошло не так, злило*; и оппозицией **раньше – теперь**: *раньше боялся жизни и во всем поэтому её слушался. А теперь она пусть боится и слушается, не получает прежнего удовольствия, злитесь, все наперекосяк, я тебя ненавижу*.

Желание новой жизни: *очень хотелось уйти, ему хотелось просто уехать*, предложение с повелительным наклонением в значении сослагательного наклонения «*хоть город меняй, подумалось вдруг*».

Процесс перехода в новую жизнь: *смена работы* (он не ходил на работу, сказавшись больным, «Ну, увольняйте», «Даю вам пять рабочих дней», «ищи новую работу», после увольнения он довольно быстро нашел новую работу).

Периферийный признак **новизна** выражен такими единицами, как *новообретенная* [Таня], *новая* [работа].

Концептуальный признак **эмоциональная оценка новой жизни, спокойствие** выражается такими строго маркированными лексемами, как *просто, естественно, нравилась, любоваться, умиляться, полнота жизни*. Новая жизнь трактуется положительно.

Виток жизни 3 интересен для описания и характеризуется сменой настроения в жизни и её резким переходом из категории новая жизнь в категорию прежняя жизнь после того, как не по воле субъекта в его жизни происходит **перемена**: *Таня сообщила, что беременна*.

Таким образом, описанием прежней жизни можно считать описание новой жизни из витка 2, а само описание третьего круга ограничивается представлением процесса перехода и проживания новой жизни, этапа **желание новой жизни нет**.

Концептуальный признак **перемена** реализуется в последовательных действиях, которые реализуются не по воле субъекта: *продал <...> свою квартиру <...> сняли двушку в том же районе, в марте его уволили из коммунальной компании, родила недоношенную девочку, сумел пристроиться штукатуром в небольшую фирму, став прорабом, вынужден был сбрить усы и бородку, отношение сразу изменилось, Песцов изменился.*

Образный компонент новой жизни включает в себя несколько **материальных атрибутов**, в совокупности представляющих атмосферу новой жизни: *грязная посуда на кухне, разбросанная одежда, валяющаяся там и сям косметика.*

В витке 3 второй раз в рассказе актуализируется образная метафора **новая жизнь – это новый человек**. Однако если в первом случае образ реализовался в совокупности с религиозной метафорой, в которой новорожденным предстает Адам, первый человек, в данном случае метафора носит сугубо физиологический характер – именно рождение ребенка меняет жизнь героя.

Оценка новой жизни, которая носит отрицательный характер, выражена такими маркированными лексемами, как *плакала, кричала, успокоилась, объявила, прежняя, громкий голос, гневная речь, брезгливо морщится, беспокоило, получалось плохо, злилась и упрекала, псиной пахнет, иронично пропела, плохая (очень плохо), как дура, ты меня достал, нормальной жизни лишил, ударил её по щеке, тоска, со зла, несчастный, унизил, жалко.*

Оценка прежней жизни имеет положительную коннотацию, она представляется *счастливой*: *Даже Чехова не мог читать, тот травил душу напоминанием о прежней счастливой жизни.*

Перемены в жизни субъекта произошли не по его воле, поэтому оценка новой жизни на контрасте с оценкой прежней жизни носит сугубо негативный характер.

В контексте оценки новой жизни интересной представляется **самооценка субъекта и категория счастья** в условиях новой жизни,

выраженная во фразе главного героя *«Мне сейчас очень плохо, Таня, но я все равно счастлив»*. Возможны две трактовки этой фразы: главному герою, субъекту, ощущение счастья приносит не конкретный образ новой жизни, обладающий определенными атрибутами, а сам факт прохождения нового витка спирали, *новизна*, которая и приносит ощущение удовлетворения.

Герой, будучи активным субъектом новой жизни, трижды в рассказе (и дважды за пределами прямого повествования) решается начать новую жизнь. В рассказе даны несколько альтернативных точек зрения на причины, которые не дают возможности другим субъектам начать новую жизнь: это может быть **страх** (Михайличев – *пожаловался на жену, «Я вот тоже возьму да уйду наконец»*, *«завидую на тебя смотреть»*, *пришел с <...> жалобами на свою надоевшую семейную жизнь, «не могу больше»*), **комфорт** (вторая жена – *«я не поеду, у меня работа тут, детский сад под боком. Да и вообще, Москва это Москва»*), **чувство ответственности** (Бармин – *вот одни живут нормально, исполняют все обязательства перед обществом и Богом, у кого он есть, но при этом имеют совесть и за все переживают, а другие шарахаются то туда, то сюда, оставляя после себя обломки чужих жизней, и совесть их абсолютно не мучает, только посмеиваются, ничего святого у них нет, все им с рук сходит. Разве это справедливо?*).

Таким образом, ощущение свободы от обязательств и возможности в любой момент бросить все и начать новую жизнь и ставит чувство счастья выше внешних проявлений явной неудачи.

Согласно второй трактовке, противоречие во фразе объясняется чувством, которое Песцов испытывает к Тане: *Песцов сказал Тане, что любит её несмотря ни на что. И всегда будет любить.*

В витке 1 в разговоре со второй женой происходит такой диалог:

– *То есть ты ушел? В смысле – уехал? Насовсем, что ли?*

– *Скорее всего.*

– *Нет, а причины-то в чем? Кто так делает? Что вообще случилось, ты можешь сказать?*

– *Ничего.*

– Володя, знаешь, если насчет претензий ко мне, то у меня к тебе их тоже много накопилось! Но я терпела, между прочим!

– И зря.

– Но у тебя-то какие претензии?

– Никаких.

– Тогда в чем дело?

– Ну, допустим, в том, что разлюбил.

Таким образом, чувство влюбленности в сознании Песцова обеспечивает ему ощущение счастья, которое приходит вместе с новой женщиной на каждом этапе его жизни: в первых двух витках, прямо не эксплицированных в рассказе, объектами его любви становятся жены, в первом круге рассказа – его новая квартира, во втором – третья Таня, в третьем – дочь Оля.

В нашем исследовании мы придерживаемся первой точки зрения, согласно которой ощущение счастья приходит к Песцову вне зависимости от окраски внешних обстоятельств – это внутренняя категория, которая реализуется от самого ощущения многократного начинания новой жизни. Это подтверждается рядом фактов: изменения, которые происходят в жизни субъекта, не несут качественных перемен, а значит, субъекта влечет не желание новой жизни как другого жизненного уклада, а сам факт обновления и прохождения нового витка жизни.

II. 5. Сопоставление особенностей содержания и вербализации концепта «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре и в рассказе А. И. Слаповского «Новая жизнь»

Для сопоставления реализации концепта «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре и в рассказе А. И. Слаповского «Новая жизнь» необходимо провести лингвистическое сопоставление по трём компонентам: понятийному, образному и ценностному.

Понятийная составляющая концепта в рассказе включает в себя **активного субъекта**, который трижды в рассказе начинает новую жизнь. В силу особенностей художественного текста в центр понятийного компонента ставится сюжетная линия, которая включает в себя актуализацию трех витков новой жизни в соответствии с единым сценарием. А. И. Слаповский включает в сценарий новой жизни **описание прежней жизни субъекта**, неудовлетворенность которой и приводит его к переменам в жизни. Однако сценарий в рассказе А. Слаповского вербализуется не полностью: герой не выражает свои *планы и намерения* по переходу в новую жизнь, а просто начинает её. Так, сценарная зона концепта ограничивается описанием **негативной оценкой прежней жизни, процессом перехода (*переездом или рождением ребенка*) и проживанием новой жизни** – компонент желание новой жизни и часть компонента процесс перехода в рассказе не находят вербальной реализации.

Образный компонент у Слаповского не так подробен: представление жизни как **спирали** – центральная метафора в реализации сценария в рассказе; именно представление жизни как спирали, каждый виток которой можно проходить бесконечное количество раз и каждый раз начинать новую жизнь *с чистого листа*, и является значимым для субъекта.

Понятийный концептуальный признак, который слабее других выражен в рассказе, – **перемена**, каждый новый виток новой жизни сопровождается практически идентичными составляющими, но в разных проявлениях. Это обусловлено тем, что, как уже было упомянуто, субъекту новой жизни совершенно неважно, какую форму примет перемена и новая жизнь – сам факт этой перемены уже приносит субъекту ощущение счастья.

Роль материальных и абстрактных **атрибутов**, представленных в небольшом количестве на каждом этапе новой жизни, в отличие от атрибутов в русской современной лингвокультуре, состоит не в воплощении образа новой жизни, а скорее в констатации новизны нового периода жизни.

В тексте реализована концептуальная метафора **новая жизнь – это новый человек**, которая объединяет в себе образ Адама, образ

новорожденного и представление жизни как дороги, на пороге которой стоит субъект. Совокупность этих метафор создает единую картину начала новой жизни – каждый раз, начиная новую жизнь, герой рождается заново и проходит свой путь новой жизни. Однако эта метафора, которая встречается дважды, носит не только метафорический характер, но и физиологический – у Песцова рождается дочь.

Ценностная составляющая концепта, в отличие от концепта у Чехова, сохраняет двустороннюю природу оценки новой жизни на фоне оценки старой жизни. Чехов, в силу социальных и политических обстоятельств рубежа XIX-XX-го веков, ограничивается положительной оценкой новой жизни будущего. Герой Слаповского же попадает в новую жизнь чаще не по своей воле, поэтому категоричность в оценке новой жизни сохраняется, однако она не всегда трактуется положительно – так, новая жизнь в третий раз трактуется строго отрицательно, и лексемы, выражающие эмоциональное состояние окружающих субъекта, повторяют лексемы оценки старой жизни из первого витка спирали: *плакала, кричала, успокоилась, брезгливо морщится, беспокоило, получалось плохо и т.д.*

Однако в рассказе Слаповского, в отличие от интертекстуального и общенационального фона, нет концептуального признака **страх**, так как внутренние мотивы субъекта не вербализованы в рассказе – его действия не подвергаются самоанализу, они импульсивны. Активность субъекта позволяет ему начинать новую жизнь раз за разом. Герои же, которые ощущают страх, ответственность или комфорт, не имеют права на новую жизнь.

Культурный скрипт концепта «новая жизнь» имеет в рассказе конкретную реализацию в трех разных точках зрения:

- герой, который раз за разом начинает новую жизнь и относится к самой идее начала новой жизни строго положительно;
- герои, которые не могут начать новую жизнь, потому что чувствуют ответственность либо *перед детьми* (бывшая жена Таня), либо *перед*

окружающими и богом (Бармин), но оценивают саму идею новой жизни отрицательно;

– **пассивный** субъект, который не может начать новую жизнь, так как **страх** не дает ему это сделать. Так, мы видим, что признак **страх** выпадает из поля новой жизни. Но пассивный субъект при этом расценивает попытку начать новую жизнь строго положительно: *завидую на тебя смотреть, не могу больше.*

Также оказывается слабо привязанной к содержанию концепта Новая жизнь категория **счастья**, свойственная героям Чехова и носителям русской современной лингвокультуры – категория счастья связывается либо с формой новой жизни (и с самим фактом реализации сценария), либо с понятием любви, которое реализуется в разных формах на каждом этапе прохождения новой жизни.

Таким образом, в центре концепта в рассказе оказывается образный концептуальный признак представления новой жизни в виде **спирали**, связанный с композиционно образующим воплощением **сценария**, так как неоднократное повторение прохождения круга жизни и является значимым для субъекта и повествователя.

Выводы

Концепт «новая жизнь» в современной лингвокультуре имеет достаточно четкую структуру. Для его представления необходимо описать концепт по трем смысловым компонентам: понятийному, образному и ценностному, выделяя в пределах каждого концептуальные признаки.

Центральными понятийными концептуальными признаками концепта «новая жизнь» на материале данных словарных статей и текстов интернет-коммуникации становятся признаки, характеризующие новую жизнь как перемену в образе жизни в период, наступающий после прежней жизни. Воплощение новой жизни происходит в несколько этапов сценария («желание новой жизни», «процесс перехода», «проживание новой жизни»),

который обычно реализуется в привязке к определенной календарной дате – к завтрашнему дню, к понедельнику, первому числу месяца или года и т.д. В центре понятийного компонента также оказывается фигура субъекта, активного или пассивного, способного начать новую жизнь *с чистого листа*.

В понятийный компонент концепта входят и концептуальные признаки, вербализованные в произведениях А. П. Чехова: в сценарную зону добавляется новый этап, который предшествует уже упомянутому – «негативная оценка прежней жизни», которая не содержит коннотативных лексем, однако объясняет, почему субъект неудовлетворен своей жизнью и почему он переходит в этап «желание новой жизни». В качестве субъекта новой жизни А. П. Чехов оставляет только активного субъекта, не давая пассивному субъекту возможности начать новую жизнь.

Понятийная составляющая концепта у А. И. Слаповского существенно не отличается от набора представленных признаков, однако, в силу особенностей художественного произведения, она несколько редуцирована – в сценарный компонент новой жизни не входит вербализованный этап «желание новой жизни», а также ослабевает концептуальный признак «перемена».

Образный компонент концепта представляет собой совокупность абстрактных изображений на основе концептуальных метафор. Так, центральным образным признаком оказывается связанное со сценарной зоной представление жизни в виде спирали, а новой жизни – как одного из её витков. Очевидна связь такого представления новой жизни с кругообразным восприятием времени, его цикличности, завершенности и многократной повторяемости жизненного круга вкупе с представлением жизни как дороги, по которой движется субъект жизни. С центральным образом новой жизни как части спирали связаны и метафоры «новая жизнь – это новый человек», «душевный подъем», «вдохнуть новую жизнь».

Перенос временной категории в пространственную реализует такие представления, как «новая жизнь – это дом», «новая жизнь – дорога».

Индивидуально-авторская сфера функционирования концепта «новая жизнь» актуализирует дополнительные образные метафоры новой жизни: в произведениях А. П. Чехова пространственное представление о новой жизни связывается со значимой для рубежа XIX-XX-го веков оппозицией столицы и провинции, вербализуясь в метафоре «новая жизнь – Москва», а также противопоставлением широкого пространства степи родному углу в метафоре «новая жизнь – степь», а также «новая жизнь – новый сад».

А. И. Слаповский достаточно лаконично воплощает все представления о новой жизни в рассказе «Новая жизнь», реализуя метафору «новая жизнь – это новый человек», несколько раз по-разному проявляющуюся в рассказе.

Достаточно интересным нам видится представление новой жизни как атрибутов, совокупность которых описывает внешние признаки новой жизни, которые соответствуют набору желаемых в новой жизни благ, как материальных (вещи), так и нематериальных (здоровый образ жизни, переезд и абстрактные атрибуты).

Конкретная реализация концепта «новая жизнь» в произведениях Чехова дополняет атрибутивный ряд новой жизни, включая в себя такую категорию нематериальных атрибутов, как «события».

В проанализированном нами рассказе А. И. Слаповского новая жизнь также обладает некоторыми атрибутами, однако их разрозненность приводит к мысли о том, что атрибуты не являются воплощением образа новой жизни, а просто становятся инструментом для констатации её начала.

Структура ценностного компонента достаточно жесткая и ограничивается такими центральными признаками, как оценка новой жизни и её компонентов, оценка прежней жизни и её компонентов, описание культурного скрипта и ироничного отношением субъекта к себе. Каждый из признаков ценностной составляющей несет в себе сопоставление с оппозиционным признаком и зависит от того, произошли ли изменения по воле человека или нет: если изменения произошли по воле субъекта, то новая жизнь трактуется положительно, а прежняя – отрицательно. И наоборот. Восприятие русским человеком новой жизни как культурного скрипта

подразумевает соблюдение канонов, и их несоблюдение вызывает отрицательную оценку к начинанию новой жизни и формирует образ несерьезного отношения к самому факту перехода.

С понятием культурного скрипта связаны и концептуальные признаки страх и надежда – описание эмоционального состояния человека при вхождении в новую жизнь сопровождается этими двумя чувствами.

В творчестве А. П. Чехова ценностная составляющая концепта не сохраняет в себе амбивалентности концептуального признака «оценка новой и прежней жизни» и оставляет в ней только одну оппозицию: старая жизнь трактуется сугубо отрицательно, а новая жизнь – положительно. Также к оценке новой и старой жизни добавляется такой компонент, как эмоциональная оценка субъекта в условиях новой жизни.

А. И. Слаповский в разработке собственного концепта «новая жизнь» оставляет общенациональную двойственность признака оценки новой и старой жизни – оценка так же и зависит от того, по воле субъекта происходят события в его жизни, или нет.

Общенациональный концепт расширяется за счет частичного вхождения в него представлений, сформированных на основе чеховской концепции новой жизни. А. И. Слаповский, опираясь на существующие варианты актуализации концепта – на общенациональный концепт и на индивидуально-авторский концепт Чехова, – вносит свои представления о новой жизни в уже существующую структуру концепта. Так, даже при наличии общих концептуальных признаков концепта, его наполненность в индивидуально-авторской реализации носит контекстуальный характер: например, образный компонент концепта включает набор атрибутов, представляющих новую жизнь. Однако в рассказе А. И. Слаповского атрибуты носят формальный характер, они не являются частью новой жизни для субъекта, хотя и сигнализируют читателям о её наступлении.

Исследование показало, что для понятийного компонента концепта характерно выражение его при помощи групп глаголов и существительных, которые проговаривают каждый этап вхождения в новую жизнь: *намерение*,

собираться начать, желание, твердое намерение, хотеть, обдумывать, предвкушение, планы, отказаться от пагубных привычек, зажить новой жизнью, привыкать к новой жизни, приспособиться к новой жизни, жить новую жизнь, переезд, замужество, а также дискурсивных лексем раньше – теперь (лексическая пара раньше–теперь несет в себе признак реализации процесса перехода, в отличие от пары раньше – завтра, которая не находит реализации в новой жизни). Слова, описывающие недостатки окружающих людей, и маркированные лексемы, описывающие действия субъектов, также входят в зону экспликации этапа «негативная оценка прежней жизни» в сценарии «новой жизни» сценарной зоны понятийного компонента концепта: некрасивая, полная, худощавый, глупый, дурак, пьяница, беззубый, возненавидел новую усадьбу, заплаканная, несчастная, кричала, бил; этап «желание новой жизни» вербализуется в виде конструкций с сослагательным наклонением со значением желания: хорошо бы стать механиком, судьёй, командиром парохода, ученым, делать бы что-нибудь такое, на что уходили бы все силы, физические и душевные <...> отдать бы свою жизнь чему-нибудь такому, чтобы быть интересным человеком, нравиться интересным людям, любить, иметь свою настоящую семью. Фигура субъекта выражается в лексемах, его называющих, а также в форме действительного залога глаголов, обозначающих действие субъекта: начал, переехала, уехала.

Совокупность атрибутов новой жизни помогает сконструировать её внешний облик, который выражается в тематической группе слов и выражений, называющих материальные объекты благополучной жизни: *новые туфли, белье, духи, сумочка, новая манера одеваться, новый дом, новая косметика, лучшая комната, «все ковры, какие были в доме», много цветов, широкая, очень мягкая постель, шелковое одеяло, красивый двухэтажный дом с террасой, с балконами, с башней и со шпилем, по воскресеньям взвивался флаг, большие деревня, аллеи, садовник, фонтанчик, белые, как снег, стройные, сытые лошади («чистые лебеди»), золотые голуби, бенгальские огни и ракеты по вечерам, лодка с красными фонариками, маленькие пони, фейерверки, нарядная жена, громадные, великолепнейшие*

дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди, а также абстрактные лексемы, называющие нематериальные атрибуты, которые сопровождают субъекта в новой жизни: *гимнастика, физическая активность, спорт, полезные привычки, новые привычки, засмеялась от удовольствия, достаток, богатство, работа, свобода, переезд, дорога, заграница, другая страна, другой город, новое место, улыбка, новые планы, новые силы, события, спектакли, концерты, карты.*

Представление новой жизни в виде витка спирали выражается лексемами, описывающих привязку новой жизни к определенной дате: *завтра, в понедельник, первого сентября, в новом году* и др. и такими метафорами, как *душевный подъем, вдохнуть жизнь, новая жизнь – это новый человек, новая жизнь – дорога, новая жизнь – дом, сжигать за собой мосты, новая жизнь – степь, новая жизнь – Москва.*

Ценностному компоненту концепта «новая жизнь», несмотря на амбивалентность его сути, характерно выражение лексемами, содержащими семы положительной оценки как новой жизни: *светлая, радостная, безоблачная и свободная, можно наслаждаться* так и самого субъекта новой жизни: *веселая, здоровая, радостная, добрая* и др.; в обратном случае новая жизнь трактуется как *печальная и грустная*. Также ценностный компонент включает в себя признак страх: *боюсь, пугает, страшно* и др., и признак надежда, который выражается в форме сослагательного наклонения со значением намерения: *я могла бы прожить тут всю жизнь, и мне кажется, здесь бы я выздоровела и нашла свое место.*

Заключение

Итогом настоящей работы стало описание концепта «новая жизнь» в русской лингвокультуре, выявление его смысловой структуры, её содержательного наполнения и вербализации компонентов концепта.

Мы определили терминологическую базу исследования на основе научных работ в рамках когнитивной науки. Выработали методику концептуального анализа для своего исследования. Провели первичную реконструкцию концепта по данным словарей современного русского языка, затем актуализировали нашу модель на основе результатов контекстного анализа употребления словосочетания «новая жизнь» в Интернет-коммуникации. Далее провели комплексный анализ приведений А. П. Чехова для выявления особенностей реализации концепта «новая жизнь». А также выявили структурно-смысловые и вербальные особенности актуализации её компонентов и их вербализации общенационального концепта «новая жизнь» на фоне его реализации в произведениях А. П. Чехова и А. И. Слаповского. Провели контрастивный анализ полученных данных.

Исследование показало, что понятийный компонент выражается группами глаголов и существительных, эксплицирующих сценарную зону концепта: *собираюсь начать, твердое намерение, обдумывать, предвкушение, планы, отказаться от пагубных привычек* и др.; дискурсивными лексемами *раньше – теперь*, а также формами сослагательного наклонения со значением желания: *хорошо бы стать механиком, судьёй, командиром парохода, ученым, делать бы что-нибудь такое, на что уходили бы все силы, физические и душевные <...> отдать бы свою жизнь чему-нибудь такому, чтобы быть интересным человеком, нравиться интересным людям, любить, иметь свою настоящую семью* и др. Фигура субъекта актуализируется в лексемах, называющих его, вкупе с формами действительного залога глаголов, обозначающих действие субъекта: *уехала, начала* и др.

Образный компонент выражается группами лексем, перечисляющих атрибуты новой жизни как совокупности материальных объектов новой благополучной жизни: *новые туфли, белье, духи, сумочка, новая манера одеваться, новый дом, новая косметика, лучшая комната, «все ковры, какие были в доме», много цветов, широкая, очень мягкая постель, шелковое одеяло, красивый двухэтажный дом с террасой, с балконами, с башней и со шпилем, по воскресеньям взвивался флаг, большие деревня, аллеи, садовник, фонтанчик, белые, как снег, стройные, сытые лошади («чистые лебеди»), золотые голуби, бенгальские огни и ракеты по вечерам, лодка с красными фонариками, маленькие пони, фейерверки, нарядная жена, громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди; и абстрактными лексемами, описывающими нематериальные атрибуты, сопровождающие субъекта в новой жизни: гимнастика, физическая активность, спорт, полезные привычки, новые привычки, засмеялась от удовольствия, достаток, богатство, работа, свобода, переезд, дорога, граница, другая страна, другой город, новое место, улыбка, новые планы, новые силы, события, спектакли, концерты, карты.*

Метафоры *душевный подъем, вдохнуть жизнь, новая жизнь – это новый человек, новая жизнь – дорога, новая жизнь – дом, сжигать за собой мосты, новая жизнь – новое место* выражают метафорическое представление новой жизни в виде витка спирали, разворачивающегося в временном и реальном пространствах. Представление о новой жизни как о структуре, разворачивающейся во времени, актуализируется в лексемах, обозначающих привязку к конкретной дате: *первого сентября, завтра, в понедельник, в полдень, с утра* и др.

Ценностный компонент концепта «новая жизнь» выражен лексемами, характеризующими положительно как саму новую жизнь: *светлая, радостная, безоблачная и свободная, можно наслаждаться*, так и эмоциональное состояние субъекта: *веселая, здоровая, радостная, добрая*. Также ценностный компонент включает в себя признак страх: *боюсь, пугает*,

страшно и др., и признак надежда, который выражается в форме сослагательного наклонения со значением намерения: *я могла бы прожить тут всю жизнь, и мне кажется, здесь бы я выздоровела и нашла свое место.*

В ходе анализа нами было установлено, что актуализация особенностей вербализации смысловой структуры и её компонентов в общенациональном варианте и в индивидуально-авторской речи позволяет расширить и концепт «новая жизнь». Данное утверждение подтверждает нашу гипотезу о том, что особенности смысловой структуры концепта «новая жизнь» в современной русской лингвокультуре, содержание его смысловых компонентов и их вербализация могут быть эффективно выявлены также на фоне анализа специфики реализации данного концепта в произведениях А. П. Чехова и в творчестве А. И. Слаповского.

Цель описать концепт «новая жизнь» и его смысловую структуру в целом и его отдельных компонентов содержания в частности, а также способов их вербализации в русской лингвокультуре на фоне особенностей его реализации в индивидуально-авторской художественной речи А. П. Чехова и А. И. Слаповского, считаем достигнутой.

Исследование, безусловно, может быть продолжено в силу междисциплинарности изучаемой единицы. Полученные лингвистические результаты возможно дополнить данными из других гуманитарных дисциплин: философии, культурологии, истории и др. Объединение полученных результатов в различных направлениях даст возможность выхода на уровень серьезных междисциплинарных исследований.

Список литературы

1. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология. М: Academia, 1997. С.267-279.
2. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта: Наука, 2004. 496 с.
3. *Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 103 с.
4. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. №1. С. 11-21.
5. *Берг М.* Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 352 с.
6. *Богатова С. М.* Концепт дом как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Омск, 2006.
7. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 123 с.
8. *Брудный А. А.* Психологическая герменевтика. М.: Русское феноменологическое общество: Логос, 1998. 512 с.
9. *Васильев В. П., Васильева Э. В.* Ассоциативное поле как экспонент концепта // Вестн. КемГУ. Сер. Филология. 2002. Вып. 4. С. 24-42.
10. *Вежбицкая А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. № 2. М., 2002. С. 6-34.
11. *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
12. *Воркачев С. Г.* Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005. № 4. С. 76–83.
13. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Волгоград: ВолГУ, 2007. 400 с.

14. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт, становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
15. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
16. *Воробьев В. В.* Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
17. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
18. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
19. *Гельрот М.* Из нашей текущей литературы // «Южные записки». 1903. № 2. С. 31-45.
20. *Гринберг А. М.* К истории первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь» (1905). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Алма-Ата, 1951.
21. *Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б., Язубова М. А.* Русский язык и культура речи. Саратов: Изд-во СГУ, 2001. 212 с.
22. *Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 17-34.
23. *Демьянков В. З.* Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35-47.
24. *Дикун Т. А.* Социальный роман А. Слаповского: жанровые модификации и эволюция героя. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Улан-Удэ, 2013.
25. *Доценко М. Ю.* Синтаксис газетного заголовка: структура, семантика, прогнозирование смыслового развития текста. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб., 2009.
26. *Дымарский М. Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 281 с.

27. *Залевская А.А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Ворон. гос. ун-та, 2001. С. 36-45.
28. *Зусман В. Г.* Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. Нижний Новгород: Деком, 2001. 167 с.
29. *Зусман В. Г.* Концепт в системе гуманитарного знания [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2003. No 2. С. 102-108.
30. *Какорина Е. В.* Интернет-коммуникация // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: Медиатека, 2007. С. 393-479.
31. *Карасик В. И., Красавский Н. А., Слышкин Г. Г.* Лингвокультурная концептология: учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград: Перемена, 2009. 115 с.
32. *Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. В.* Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
33. *Карасик В. И.* Концепты повседневности: подходы к изучению // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии, семантики, стилистики. Волгоград: Колледж, 2006а. С. 7-14.
34. *Карасик В. И.* Определение и типология концептов // Этнокультурная концептология. Вып. 1. Элиста, 2006б. С. 14-21.
35. *Карасик В. И.* Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. 195 с.
36. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
37. *Колесов В. В.* Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
38. *Колесов В. В.* «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.
39. *Коростелёв С. Г.* Журнал «Летопись» (1915—1917) и газета «Новая жизнь» (1917—1918) в историко-культурном контексте. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 416 с.

40. *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
41. *Крыга Т. И.* Использование ассоциативно-вербального поля в практике преподавания языка в вузе и школе // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филологического факультета). Минск: РИВШ, 2009. С. 152–155.
42. *Курылёва М. В.* Проза А. Слаповского, вопросы поэтики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ульяновск, 2002.
43. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 147-165.
44. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
45. *Лошаков А. Г.* Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен: монография. Архангельск: Поморский университет, 2007. 344 с.
46. *Маняхин А. В.* Традиционный и концептуальный анализ художественного текста в современном языкознании // Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8. Новое в когнитивной лингвистике. 2006. С. 63-71.
47. *Мейлах Б. С.* Процесс творчества и художественное восприятие: Комплексный подход: опыт, поиски, перспективы. М.: Искусство, 1985. 318 с.
48. *Миллер Л. В.* Художественная картина мира и мир художественных текстов. СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2003. 156 с.
49. *Митяева А. П.* К вопросу о лингвокогнитивном и лингвокультурологическом подходах к изучению концептов // Молодой ученый. 2015. № 10. С. 1420-1423.
50. *Михеева Л. Н.* «Время» в русском языковом сознании // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2016. Т. 2. №1. С. 57-63.

51. *Моисеева В. Л.* Безличные глагольные предикаты состояния лица в русской языковой картине мира. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. СПб., 1998.
52. *Морослин П. В.* Язык интернета как объект лингвистических исследований // Вестник РУДН. Лингвистика. 2009. С. 10-17.
53. *Мурзин Л. Н., Штерн А. С.* Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во УГУ, 1991. 172 с.
54. *Пименова М. В.* Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово: Графика, 2004. 208 с.
55. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово: Графика. 2010. 146 с.
56. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 314 с.
57. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 189 с.
58. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000.
59. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
60. *Реброва И. В.* Информативность // Текст: теоретические основания и принципы анализа. СПб.: Златоуст, 2011. 456 с.
61. *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 260 с.
62. *Смирнов И. П.* Порождение интертекста. СПб.: СПбГУ, 1995. 193 с.
63. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2004. 991 с.
64. *Стернин И. А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 97-112.
65. *Тарасова И. А.* Модель индивидуальной поэтической концептосферы: базовые единицы и когнитивные структуры // Русский

язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка <...>: труды и материалы. М., 2004. С. 146-147.

66. *Тарковский А.* Белый день. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1997. 274 с.

67. *Туктангулова Е. В.* Художественные концепты «жизнь» и «смерть» как репрезентанты словообраза «Природа» в идиостиле И. А. Заболоцкого. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Ижевск, 2007.

68. *Тюпа В. И.* Три стратегии нарративного дискурса // Дискурс. 1997. № 3-4. С. 106-108.

69. *Чернухина И. Я.* Основы контрастивной поэтики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 198 с.

70. *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

Справочная литература

1. Большой академический словарь русского языка: В 30 тт. / Под ред. К. С. Горбачевич. М., СПб.: Наука, 2009. Т. 12. 651 с.

2. Большой Российский энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 2009. 1887 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

4. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1456 с.

5. Комплексный словарь русского языка / Под. ред. А. Н. Тихонова. М.: Русский язык Медиа, 2007. 1231 с.

6. Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1997. 245 с.

7. Русский ассоциативный словарь. В 2 тт. / Под ред. Ю. Н. Караулова, Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфимцевой, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. Т. I. От стимула к реакции. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с.

8. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева М.: Изд-во МГУ, 1977. 196 с.
9. Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 2. 736 с.
10. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
11. Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. / Под ред. В. И. Чернышева М., Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 4. 1366 с.
12. Словарь эпитетов русского литературного языка / Под ред. К. С. Горбачевич, Е. Н. Хабло. Л.: Наука, 1979. 567 с.
13. Толковый словарь языка Совдепии / В. П. Мокиенко, Т. Г. Никитина СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
14. Черкасова Г. А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. М.: ИЯз РАН, 2008.
15. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Серов В. В. М.: Локид-Пресс, 2005. 852 с.

Источники

1. Слаповский А. И. Новая жизнь [электронный ресурс] // Октябрь. - 2006. - № 2. <http://magazines.russ.ru/october/2016/5/novaya-zhizn.html> (дата обращения: 18.03.2017).
2. Чехов А. П. Вишневый сад // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. Т. 13. Пьесы. 1895-1904. М.: Наука, 1978. С. 195-254.
3. Чехов А. П. В родном углу // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. Т. 9. [Рассказы. Повести], 1894-1897. М.: Наука, 1977. С. 313-324.
4. Чехов А. П. Невеста // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. Т. 10. [Рассказы, повести], 1898-1903. М.: Наука, 1977. С. 202-220.

5. *Чехов А. П.* Новая дача // *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. Т. 10. [Рассказы, повести], 1898-1903. М.: Наука, 1977. С. 114-127.

6. *Чехов А. П.* Три сестры // *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. Т. 13. Пьесы. 1895-1904. М.: Наука, 1978. С. 117-188.

7. История о том, как я изменил свою жизнь. Мужской блог. [Электронный ресурс]. URL: <http://muzhskoy-blog.ru/izmenit-zhizn/> (дата обращения 15.05.2017).

8. Как изменить свою жизнь: 23 истории людей, которые придумали себя заново. Афиша daily [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/life-changing-experience/> (дата обращения 15.05.2017).

9. «Как я изменила свою жизнь на 180» история из жизни. Портал успеха #1. [Электронный ресурс]. URL: <http://portaluspeha.com/blog/kak-ya-izmenila-svoyu-zhizn-na-180-istoriya-iz-zhizni/> (дата обращения 15.05.2017).

10. Как я изменил свою жизнь за 20 дней (реальная история). [Электронный ресурс]. URL: <http://master-klass.biz/kak-ya-izmenil-svoyu-zhizn-za-20-dney-realnaya-istoriya> (дата обращения 15.05.2017).

11. Как начать новую жизнь: 7 советов. VitaMarg. Жизненный путь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vitamarg.com/konsultacii/life/5829-nachat-novuyu-zhizn-7-sovetov> (дата обращения 15.05.2017).

12. Может ли человек действительно начать новую жизнь? Большой вопрос. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/311385-mozhet-li-chelovek-dejstvitelno-nachat-novuju-zhizn.html> (дата обращения 15.05.2017).

13. Моя история о том, как я стала другим человеком (очень много букв и фото). Libero up&go. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.baby.ru/community/view/126261/forum/post/178363311/> (дата обращения 15.05.2017).

14. Начать жизнь с нуля: 4 истории. Большая деревня [Электронный ресурс]. URL: <https://bigvill.ru/city/7375-nachat-zhizn-s-nulya-4-istorii/> (дата обращения 15.05.2017).

15. Непридуманная история о том, как начать новую жизнь. Ольга Кирия. Путешествие по жизни. [Электронный ресурс]. URL: <https://olgakiriya.livejournal.com/78447.html> (дата обращения 15.05.2017).

16. Новая жизнь. Жемчужины мысли. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inpearls.ru/pearls/tag/id/15321/value/page/5/2/3> (дата обращения 15.05.2017).

17. Отчет: жизнь заново, или как я начала делать новую себя. [Электронный ресурс]. URL: http://fashiony.ru/page.php?id_n=115197 (дата обращения 15.05.2017).

18. Происхождение и значение словосочетания «вдохнуть жизнь». Обо всем. Интересные исторические факты, события. [Электронный ресурс]. URL: <https://o-vsem.ru/frazeologizmyi/vdohnut-zhizn.html> (дата обращения 10.04.2018).

19. Статусы про новую жизнь. СТАТУСЫ. Лучшие статусы. [Электронный ресурс]. URL: <http://statusy.me/rubrika/statusy-pro-novuyu-zhizn>

20. Хочу новую жизнь! – но почему-то не получается... [Электронный ресурс]. URL: <http://myempeiria.ru/lichnost/hochu-novuyu-zhizn/> (дата обращения 15.05.2017).

21. ХОЧУ ПЕРЕЕХАТЬ ЖИТЬ В ДРУГОЙ ГОРОД <...> КАК ПРИВЫКАЛИ? [Электронный ресурс]. URL: <https://galya.ru/clubs/show.php?id=812935> (дата обращения 15.05.2017).

22. Я начала новую жизнь, но прошлое меня не отпускает. Исповеди. [Электронный ресурс]. URL: <http://ispovedi.com/ispoved-2016/ya-nachala-novuyu-zhizn-no-proshloe-menya-ne-otpuskaet/> (дата обращения 15.05.2017).